

МАКСИМ ГАУСС

Максим Гаусс
Лейтенант. Назад
в СССР. Книга 8
Серия «Второй шанс», книга 8

*<https://litres.ru/72512329>
SelfPub; 2025*

Аннотация

<p>Выполнение боевого задания оборвало мою жизнь. Долгая и насыщенная служба офицера спецназа, полная взлетов и падений закончена. Однако судьба распорядилась иначе и дала мне второй шанс.</p><p>СССР, осень 1986 года. Война в Афганистане близится к концу.</p><p>Максим Громов попадает в сложную ситуацию, выйти из которой будет очень непросто...</p>

Содержание

Глава 1. Живой	4
Глава 2. Необратимость	17
Глава 3. В плену у Сафира	32
Глава 4. Наблюдатель	46
Глава 5. Исход	60
Глава 6. Марш-бросок	73
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Максим Гаусс

Лейтенант. Назад в СССР. Книга 8

Глава 1. Живой

В себя я пришел практически сразу, однако лишь на несколько мгновений.

Сознание то включалось урывками, то выключалось вновь, поэтому я видел перед собой лишь какие-то разрозненные неясные картинки, то и дело сменяемые темнотой... В голове все путалось, в ушах звенело, тошнило. Мысли – как вязкий кисель. Переплетались между собой, будто внутри меня что-то сломалось. Я никак не мог сосредоточиться и взять себя в руки – мысли, словно куда-то утекали из головы, и я с трудом понимал, что происходит.

Разозлился, усилием воли заставил взять себя в руки.

Разом ощутил, что все тело отзывалось болью, но вместе с тем было даже как-то странно – будто бы руки и ноги не совсем мои. Словно резиновые, какие-то чужие.

Я внезапно вспомнил, как меня взрывом выбросило из салона бронетранспортёра – сейчас вокруг были какие-то камни. Сухая пыль, глина. Темнота. Воняло пылью, дымом.

Щека в крови – видимо, ударился о камни. Глаз открывался с трудом. Поза неестественная, неудобная.

Смотреть на ноги не было ни времени, ни желания – ничего хорошего я там точно не увижу. Однако нижние конечности я вроде как чувствовал, значит, они на месте – не оторвало при взрыве. При таком экстриме, даже в живых остаться – настоящее чудо.

Я внезапно вспомнил, что где-то рядом находятся душманы, совершившие внезапное нападение на наш транспорт. Сколько их там? Десять? Двадцать? Оружия при мне не было, улетело куда-то при падении. Я сейчас совсем не боец, меня можно брать голыми руками.

Не думаю, что кто-то ещё из наших мог выжить в этой мясорубке – те, кто находились в бронетранспортёре, с высокой вероятностью погибли – там почти без вариантов. Конечно, многое зависело от того, чем именно по нам выстрелили... Первая машина осталась где-то позади, уничтоженная взрывом. УАЗ это не БТР, брони нет вообще. Даже очередь из Калашникова – прошьет насквозь.

Да, я уцелел. Возможно, один. Но надолго ли?

В каком я состоянии? Вокруг жестокий враг, которому жалость неведома в принципе. Духи практически всегда жестоко расправлялись с ранеными шурави, заставляя их перед смертью страдать ещё больше.

Я помню, как наш замполит майор Ветров, ещё в той воинской части, где моим ротным командиром был капитан

Воронин, рассказывал, что в плен к духам лучше не попадать. Особенно будучи раненым. Он тогда все очень красочно описал. Да я по другим событиям знал, что победителей не судят.

В будущем, во всех горячих точках, где мне, уже прожённому боевому волку довелось побывать, всегда в голове была одна мысль: для меня плен невыносим. Ни в каком смысле. Русских солдат в плен почти не брали ни в Сирии, ни в Ливии...

Но в Союзе, во время Афганской войны ситуация была несколько иной – молодые солдаты были срочниками, погибать не хотели. Иногда попадались бойцы, считающие, что если был хоть какой-то шанс уцелеть и вернуться домой, то лучше сдаться врагу. Далеко не все, но они были. Потом их обменивали, освобождали в ходе боевых операций, выкупали. Кто-то сбегал, а кто-то принимал ислам и оставался там жить. Но последних были единицы... И черт возьми, понять, почему они вступили на этот путь, я не мог.

Если душманы меня найдут здесь, то гарантированно пристрелят – на кой черт им сдался тяжелораненый русский солдат? Кто его будет таскать, лечить? Откуда брать лекарства?

А даже если меня и не пристрелят, то возьмут в плен. Опять бросят в холодный зиндан и будут морить голодом, жаждой, пытать, заставят работать изнурительным трудом... Что с раненого взять? Во всем этом вообще сложно найти что-то хорошее, как ни посмотри. Но погибать сейчас я не

собирался. Даже мысли не было – зубами буду грызть, но выберусь. Легче всего сейчас все бросить, лечь и ждать своей судьбы! Но не про меня эта песня!

С трудом оглянувшись через свое же плечо, я увидел позади в темноте горящий БТР-80, позади, на неопределенном расстоянии от него горело что-то ещё. Наверное, это был УАЗ «Буханка», в которой ехал старший лейтенант Чесноков. Придурки, зачем нужно было так рисковать и ехать по темноте?

Я же пытался предупредить, но разве кто слушал?!

Воняло гарью, было жарко. Я вспотел, был мокрый. Даже не знаю, может, это была моя кровь?

Кто-то где-то ещё стрелял, но все доносившиеся до меня звуки были приглушенными, гулкими. Почти все время я слышал звон в своей же голове, такой же, как во время контузии. И звон не проходил, то нарастал, то затихал.

Тошнило, сильно болела голова, волнами наказывала слабость и смертельная усталость. В глазах плясали разноцветные звёздочки, радужные пятна.

Я не хотел в плен. Поэтому, нереальным усилием воли, цепляясь пальцами за высохшую землю, за торчавшие из нее камни, стебли растений, помогая себе локтями, куда-то пополз. Неважно куда, главное – подальше от места нападения. Духи будут тут очень скоро, они не должны меня найти. В темноте никто тут прочесывать ничего не будет. Духам не до этого – прибегут, добьют живых, возьмут самое ценное, что

можно забрать, и свалят.

Медленно, но верно, я полз вперёд. Движение за движением. Через боль. В голове пульсировала только одна мысль – ползти, ползти, ползти. Метр, ещё один. Ещё метр. Ещё.

Спасись. Выползти из зоны видимости, чтобы меня не увидели, не схватили.

Второй раз умирать не хотелось... Да что там, мне и в первый раз не хотелось! Но тогда у меня выбора просто не было – либо несколько смертей, либо только одна. Я российский офицер, со своими собственными идеалами, я тогда не мог поступить иначе. Времени соображать – тоже не было, вот и накрыл собой ту проклятую гранату. Внезапно поймал себя на мысли, что, может, это меня так «сверху» отблагодарили за то, что без раздумий пожертвовал собой? Спас гражданских, женщин. Мол, второй шанс?

Сейчас ситуация была совсем иной, правда, впереди по-прежнему маячила смерть.

Я полз и полз, кое-как сдерживая тошноту, игнорируя слабость. Ненадолго останавливался, через боль вдыхал воздух в легкие, усилием воли заставлял себя двигаться дальше. Мутным взглядом выхватывал из темноты какой-нибудь камень, полз до него, затем искал другой ориентир. Я даже не мог сказать, быстро шло время или медленно – я как будто бы находился вне его. Сколько я прополз? Тридцать метров? Пятьдесят? Сто?

Сзади слышались голоса. Говорили на пушту, вроде бы.

Но я полз дальше, не обращая внимания. Затылком чувствовал мерзкое ощущение того, что в любой момент в меня прилетит пуля. Когда кто-то позади выстрелил, я аж вздрогнул. Но свои намерения не изменил... Дайте только выбрать-ся, дайте выжить, а я еще дам знать о себе.

В какой-то момент я вдруг почувствовал, что заваливаюсь куда-то вниз и падаю. Кубарем качусь, бьюсь локтями, коленями головой. Задыхаюсь в пыли. Перед глазами сплошное мельтешение.

В таком состоянии невозможно было как-то оценивать своё самочувствие – пожалуй, тут уместно всего одно слово – дерьмовое. Без вариантов.

А скатившись вниз, я попал в какую-то вязкую грязь. На этом силы покинули меня окончательно – всему есть предел, каким бы подготовленным ты ни был...

Майор Игнатьев был в плохом расположении духа. Он лежал на больничной койке, мрачно смотрел на свои перебинтованные ноги и сильно сжимал и разжимал кулаки.

Да, в крупном госпитале Ташкента ему провели сложную операцию, в результате которой удалось восстановить перебитую пулей кость. Изначально она срослась плохо, отчего её снова пришлось ломать. Провели все необходимые процедуры... Да, в советское время военная медицина тоже не блистала, но тогда хотя бы было человеческое отношение. Раненому давали все, что было. Нужно – бери! Больно? Сей-

час поможем, хоть как-нибудь. А сейчас военная медицина – это одно название. Позорище, кто бы там что ни говорил. Собачье отношение.

«Помню, как я как-то дал в зубы начальнику отделения гастроэнтерологии. Получил по заслугам», – подумал про себя Игнатьев.

Правда, какой бы удачной ни была операция, для организма ничего бесследно не проходит... Уже позднее Игнатьеву сообщили, что бегать как раньше, он уже никогда не сможет. Одна нога стала немного короче другой, про высокие нагрузки можно было забыть.

И сей факт его серьёзно выбил из колеи. По сути, это означало, что его снимут с должности и в лучшем случае посадят где-нибудь в штабе. А то и вовсе отправят на «дембель», точнее, на заслуженный отдых. Бессрочно.

Командир группы «Зет» являлся тем самым человеком, который до мозга костей был военным. Он больше ничего не умел, вся его жизнь была посвящена только армии. Это неплохо, но лишь в советские годы. В будущем все резко изменится – не каждый сможет стать гражданским, не каждый.

И вот теперь, вверенная Игнатьеву чуть ли не лучшая группа разведчиков во всём Афганистане, лишилась своего командира. А ведь он, несмотря на звание майора, несмотря на выслугу лет, на имевшийся опыт, добровольно вызвался проходить все «скачки» вместе со своими парнями, хотя по факту командование от Игнатьева такого не требовало. Это

было сугубо его решение, которое позволило максимально сплотить команду между собой. Сблизить командира и подчиненных. Спустя время, майор Игнатьев пользовался беспрецедентным авторитетом среди своих людей, да и многие командиры, коллеги и разведчики знали, какой он человек.

В госпитальной палате находилось ещё два офицера, один капитан со сложным переломом руки, другой старлей с ампутированной стопой – подорвался на душманской противопехотной мине.

– Саня, да не переживай ты так! – подбадривал его старший лейтенант. – Главное, что она у тебя есть! Нога, в смысле. Не то, что некоторые... ну да, ты теперь не такой боевой как раньше, особо не побегаешь, но жизнь-то не кончилась!

– Вот-вот, дело говорит! – поддержал капитан. – Я от мужиков слышал, что у вас там настоящая мясорубка была?! Скажи спасибо, что сам выжил и группа в полном составе домой вернулась.

– Не домой... – всё так же мрачно отозвался майор. – Я же больше ничего не умею. Да и как они теперь без меня?

Игнатьев имел в виду тот факт, что без толкового руководства, группа просто развалится. Раскидают их кого куда, и дело с концом. Много уже таких историй было – командованию-то все равно.

– Ну и что?! Отставить, майор... Чего ты раскис? – В дверях палаты показался еще один сосед по палате, перемотанный бинтами подполковник. – Это к лучшему, если уволят,

домой поедешь, к жене, к семье. Дети-то есть?

– Есть! – тут Игнатъев наконец-то широко улыбнулся. Единственный светлый лучик в его жизни.

– Ну вот, а командира тебе на замену найдут!

Прошло уже почти три недели – майор ходил на костылях, правда, зона его перемещений была очень небольшой. Палата – туалет, палата – столовая. Ну и небольшая площадка в зелёной зоне, с лавочками. Там было достаточно прохладно и тихо, хорошо оставаться наедине с собой и думать.

– Пойду-ка я проветрюсь! – ответил майор, устав лежать на кровати.

– Куда? Обед же скоро...

– Успею!

Кое-как поднявшись с койки, вооружившись парой громоздких деревянных костылей, он отправился к выходу из палаты. Прямой и практически пустой коридор вел во внутренний двор госпиталя, где как раз и располагалась зелёная зона. Цокая по кафельной плитке деревянными костылями, Игнатъев неторопливо шел вперед, останавливался, снова шел. Когда он практически добрался до выхода, в дверях внезапно появился хорошо знакомый ему офицер, которого он совсем не ожидал здесь увидеть.

– Товарищ полковник?

– Ну привет тебе, майор! – отозвался Хорев. – Как самочувствие?

– Пойдет.

– А настроение?

– Паршивое, товарищ полковник! – вздохнул майор. – Вы здесь какими судьбами?

– Не поверишь, но как раз по твою душу... Вернее, не совсем так. Есть у меня для тебя кое-какие новости и вопросы тоже. Но давай отойдём туда, где потише? Нужно обсудить кое-что важное, под грифом секретности.

– Справа от входа есть такое место. Там нам никто не мешает.

Они медленно вышли из здания, свернули направо и по узкой дорожке углубились в сквер, где стояло несколько лавочек. Там было практически пусто – только вдалеке дворник поливал цветы.

Полковник Хорев осмотрелся, прислушался – вокруг не было ни души. Уже близилось время обеда, поэтому прогулки закончились и других пациентов здесь не было.

– Я вас слушаю, товарищ полковник.

Тот сел на лавочку, посмотрел Игнатьеву прямо в глаза.

– Перейду сразу к делу. Помнишь те документы и фотографии, что ты прихватил с собой, когда во время операции «Петля» твои ребята накрыли обученных душманов?

– Это вы про бункер? – задумчиво произнес майор.

– Именно. Ты знаешь, что это такое?

– Понятия не имею, но мне показалось странным – зачем такие фотографии вообще были сделаны? И кем? Запечатлённый на них военный объект явно советского производ-

ства, однако вместо советских солдат, там были отчётливо различимы душманы. Фотографии свежие. Несложно догадаться, что теперь объект контролируется бойцами афганской оппозиции.

– Всё верно, бункер, действительно, советский. Его кодовое название «Объект-702». Он был построен советским военным руководством в центральной части Афганистана еще в шестьдесят втором году. Там проводились какие-то эксперименты относительно химического оружия, но точной информации у нас нет. Всё было под грифом секретно, о нем знали очень мало людей. С началом войны объект был законсервирован и почти заброшен. Всю эвакуированную документацию, результаты исследований, опытные образцы вывезли на двух грузовиках... Часть персонала была эвакуирована задолго до того, как в Афганистане начались волнения, приведшие к гражданской войне. Вот только до места назначения машины тогда не доехали. Все было утеряно. Начиналась война. В ДРА входила сороковая армия, чёрт знает что творилось. Не все шло гладко, над многими моментами был утрачен контроль. Никому тогда и дела не было, что там и куда не доехало! Предполагалось, что машины подорвались на минах. Ну и как ты понимаешь, о том, что осталось внутри самого бункера, никому не известно!

– Так... и какое решение?

– Майор, к тебе в руки совершенно случайно попали доказательства того, что душманы получили контроль над тем

объектом. Понимаешь, к чему я это тебе рассказал?

– Да. Нужно выяснить, что там сейчас происходит и какова обстановка?

– Именно так. Ну, не буду темнить... Твоя группа наиболее подготовлена, лучше всего подходит для выполнения такого задания. Однако отправлять восемь человек на разведку слишком рискованно. Поэтому лучше всего отправить только троих-четверых. Операция сугубо разведывательного характера. Не боевая. Ее предварительный проект существует только у меня на столе. Сроки пока не установлены. О квадрате почти ничего не известно. Но сейчас это и неважно. Проблема в том, что у группы нет командира. Половина в госпитале на лечении... А отправлять другие группы, я не хочу. Ну, что скажешь?

Несколько секунд Игнатьев просто молчал, переваривая информацию. Полковник явился сюда вовсе не для того, чтобы узнать о состоянии его здоровья, цель была совсем иной.

– Товарищ полковник, для такого задания я вам не нужен, – вздохнув, ответил Кэп. – В группе есть люди куда толковее, чем я сам. Например, Максим Громов способен полностью заменить меня! Он инициативен, думает нестандартно. Всегда с холодной головой, обладает потрясающими аналитическими способностями, здраво оценивает любую обстановку. В одиночку неоднократно доказал, что умело действует при любых обстоятельствах.

– Знаю... – кивнул Хорев. – Я говорил с ним. Там, прав-

да, другая проблема появилась, но мы ее решим. Я уже доложил наверх о том, что наши технологии, что могут находиться в бункере и могут попасть в руки американцев или любых других иностранных спецслужб. Мне дали месяц на подготовку. Как по мне, это слишком много.

– Товарищ полковник, в данный момент я не тот человек, с которым это стоит обсуждать. Если Громов всё ещё в госпитале, вам лучше поговорить с ним. Он и группу соберет и план поможет составить. Можете положиться на него как на меня самого. Не смотрите на звание, ну и что, что прапорщик. У нас прапорщики лучше, чем генералы, и толку от них больше.

– Хм... Я думал временно назначить к твоим бойцам другого командира, но у меня возникали сомнения. Пожалуй, ты меня убедил окончательно. Скажи, майор, а у той группы, что вы ликвидировали, с собой не было ничего подозрительного?

Майор на мгновение задумался.

– Нет, ничего такого... А что?

– Да так, неважно... – махнул рукой Хорев, хотя сам явно был чем-то озабочен. – Ладно, тогда я пойду. Ты вот что, давай, не распускай сопли и выздоравливай! А у меня дел столько, что не знаю, за что хвататься! Ну и с Громовым я обязательно поговорю, это достойный кандидат!

Глава 2. Необратимость

Майор Кикоть поторопился запереть за собой входную дверь на прочный деревянный засов...

Конечно, надолго это никого не задержит, но в случае чего даст немного времени.

Вновь обернувшись к связисту, он спросил:

– Ты меня понял?

Американец почему-то медлил, вероятно, надеялся на то, что душманы вытащат его раньше. Безумный русский, недавно взятый в плен, его не на шутку испугал. Одно дело, сидеть на пятой точке и эфир слушать, но совсем другое – встретиться лицом к лицу с пленным советским офицером, который настроен более чем решительно.

Однако, несмотря на страх, подчиняться он не торопился. Виктор Викторович решительно навел на него ствол Калашникова, затем выжал спусковой крючок. Гроыхнул выстрел – пуля устаревшего образца, прошла совсем рядом и насквозь прошла деревянную столешницу стола, на котором размещалась аппаратура связи. Лишь щепки полетели.

Возможно, это и демаскирующий фактор – уже не так уж и важно. Все равно его пропажу обнаружили или вот-вот обнаружат. Зато это явное доказательство того, что чекист пойдет до конца. Для американцев это было очень странно. Во всех смыслах, они все делали иначе. А те, что все-таки риск-

нули торчать в Афгане, сидели тише воды, ниже травы.

– Американец! Следующая пуля полетит тебе в колено! – решительно заявил чекист, глядя на него выразительным взглядом. – Это больно, уж поверь. А нормально ходить после такого ранения ты уже вряд ли сможешь. Но я могу и не стрелять, если просто сделаешь то, что я требую. Итак, сможешь?

Связист оказался вовсе не дурак, быстро сообразил, что злой русский с автоматом в руках в игры играть точно не намерен – выстрелит без зазрения совести. Интриги и увилывания тут точно не к месту, косить под дурака тоже не выйдет. К тому же аппаратура связи не такая уж и сложная – тот, кто более-менее знаком с принципами радиосвязи, разберется минут десять, можно и чисто по-русски, методом тыка. В теории. К тому же, все было уже подключено и практически настроено.

А снаружи уже творилось черт знает что – чуть ли не паника. Там раздавались крики, беготня. Шум. Ну, несложно догадаться почему – обнаружили тело охранника и пропавшего шурави. Это изначально был лишь вопрос времени, майор это хорошо понимал. Пока духи заняты поисками, сюда, к американцам они точно не сунутся. По крайней мере, сразу они этого не сделают однозначно – ума не хватит. Да и сами американцы хотя и находились рядом, но держались обособленно и даже отстраненно.

Дверь более-менее прочная, хотя и деревянная. Очередь

из автомата по петлям точно не выдержит. Сначала прострелить, потом выбить сильным ударом.

Глядя на связиста, становилось ясно, что на базе есть и другие американцы, численностью до отделения, не больше – вот они точно представляют скрытую угрозу. Еще неизвестно, согласовал ли Джон Вильямс этот момент с другими представителями армии США.

– Нет-нет, я все понял... – торопливо пробормотал связист, испуганно замахав руками. – А что и куда нужно передавать?

Майор ловко закинул Калашникова за спину, быстро вооружился пистолетом американца – это была классическая «Беретта 92». Наиболее часто используемое оружие американской полиции, армии и некоторыми спецподразделениями других стран, восьмидесятых годов. Хотя производится он в Италии. Ранее Кикоть из такого не стрелял, но это его совершенно не смущало.

Затем майор быстро осмотрелся, отошёл к тумбе, что стояла в углу, и взял там лист бумаги из стопки. Хмыкнул.

– Ты смотри, какая белая... – тихо пробурчал он, задумчиво повертев его в руке. – Наша не такая.

Другой же рукой он держал на прицеле связиста, чтобы тот чего-нибудь не выкинул. – Ручку дай!

– Что?

– Ручку! – прорычал Кикоть, изобразив, что что-то пишет.

Тот сразу догадался, перебросил авторучку, лежащую в журнале.

Быстро, печатными буквами и цифрами, написав нужную частоту и позывной, майор положил лист перед связистом.

– Вызывай!

– Что? – изумился тот, глядя на майора. – Это же безумие!

– Нормально! Делай!

– Я не все понимаю... – несколько секунд связист изучал написанное, потом схватился за гарнитуру и принялся щелкать ручками и тумблерами на центральном блоке. Прошло около сорока секунд, когда тот обернулся к майору. Кивнул, затем еще раз.

– Ну?

– Готово!

– К стене отошёл, живо! И без глупостей! Руки на виду, увижу, что-то, что мне не понравится, стреляю на поражение. Это ясно?

Американец кивнул и поспешно отошёл. А Виктор Викторович схватив наушники с гарнитурой, прислонил их к уху. Микрофон был рядом.

– Вымпел три, я Бастион! Прием! – громко произнес Кикоть, думая только о том, как и что ему делать. – У меня срочная информация... э-э...

Вдруг в дверь громко постучали, потом ещё раз, уже настойчивее. Дернули ее, потом ещё раз. Снаружи слышались голоса, крики. Кикоть различил требование открыть

дверь, прозвучало оно на английском языке и, судя по всему, на местном пушту. КГБ-шник проигнорировал. Посмотрел на американца.

Дверь затряслась куда сильнее. Послышались требования других лиц.

– Ответь им что-нибудь... пусть потише себя ведут! – потребовал на крик майор.

– Я не... Я не знаю! – растерялся тот. – Что сказать?

– Придумай! – ситуация была крайне волнительная, майору приходилось балансировать чуть ли не на грани нервного истощения, несмотря на спецподготовку, а также прилагать все усилия, чтобы сохранять спокойствие и действовать методично. Учитывая кучу факторов, быстро меняющуюся обстановку, то становилось ясно, что ситуация вечно такой оставаться не может.

– Чего? Кто это? – вдруг недоверчиво раздалось из наушника. Звук был чистый, почти без помех, майор даже удивился – вот у америкосов техника!

– Вымпел, я Бастион. Как меня слышно?

– Что за ерунда?! – связист с той стороны то ли был сонный, то ли вообще не понимал, кто на него вышел.

– Да твою же... Заткнись и слушай внимательно, потому что у меня мало времени! – жестко потребовал Виктор Викторович. – Код «сто один». Повторяю, код «сто один». Свяжись с полковником Егоровым! Я тебе сейчас передам координаты, здесь полевой сотрудник контрразведки Кикоть...

Запиши их!

КГБ-шник посмотрел на связиста внимательным взглядом.

– Эй... где мы сейчас находимся? Квадрат?

– К-7...

– Точнее!

– Высота одиннадцать сорок три.

– Высота одиннадцать сорок три, повторяю – высота одиннадцать сорок три. Срочно! Полковнику Егорову!

Вдруг в эфире раздались сильные помехи, а ещё через несколько секунд радиосигнал вдруг резко усилился, а затем пропал и связь оборвалась окончательно.

– Вымпел три, Вымпел три... Прием!

В эфире только белый шум.

– Какого хрена? – он снова навел ствол пистолета на связиста. – Что ты сделал?

– Я ничего не делал! – для убедительности, он даже руки вверх поднял.

– Связь мне сделай, прямо сейчас! – рывкнул Кикоть, теряя контроль. Быстро шагнув к нему и целясь в голову, Виктор поймал себя на мысли, что из-за сложной обстановки ему все сложнее выбирать правильные решения. Еще бы, последние дни в его жизни, происходит полная зебра. Где черную полосу сменяет серая и обратно... А вот белых что-то даже не видно!

Американец решительно подскочил к радиостанции, что-

то пощелкал, покрутил.

— Все, нет связи... — тяжело вздохнул он, с испугом посмотрев на Кикотя. — Внешнюю антенну отключили. Отсюда ничего не сделать!

— Сука! — выругался Виктор Викторович, осознав, что произошло. Те, кто был снаружи, видимо, догадались, куда делся шурави. Услышали выстрел. Именно поэтому они и оборвали связь.

Вероятность того, что Вымпел правильно понял сообщение, воспринял его всерьёз, и доложит куда нужно, была весьма небольшой.

Несложно представить, что дежурный связист на прошлом месте службы майора Кикоть, в таком требовательном ключе не сразу поймет, что это за странный вызов такой и кто этот непонятный Бастион... Здесь достаточно сложная и запутанная история, в результате которой Виктор Викторович получил этот позывной, а также знает, кто такой Вымпел и чем он занимается. Обращаться туда, значит быть на волоске. Пятьдесят, на пятьдесят.

Второй вопрос к связисту — знает ли он, кто такой полковник Егоров, доложит ли ему, как положено или просто проигнорирует эту странную радиопередачу и продолжит заниматься своими делами? У него и без этого своих проблем хватало.

В дверь уже натурально ломились. Та гремела, но петли и засов пока держались.

Вдруг уже стало как-то подозрительно тихо... Виктор Викторович, будто что-то почувствовал, отскочил двери и как раз вовремя – стороны раздалась стрельба. Пули с жутким треском дырявили дверь, выбивая деревянные щепки и ошмётки. Запахло пыльной древесиной, пороховыми газами. Несколько секунд – сильный удар и входная дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену и отскочив от нее. Сломанный засов упал на пол. Внутри ворвались трое вооружённых, сильно заросших черной бородой душманов, за ними был ещё кто-то в типичной пятнистой военной форме НАТО-вского образца.

Чекист среагировал верно – он сразу же бросил пистолет на стол, медленно и аккуратно снял с плеча автомат и опустил его на пол. Сопротивления оказывать не стал, а то еще пристрелят.

– Ты! – второй американец посмотрел на майора безумными глазами. Говорил он на ломаном русском языке с сильным акцентом. – Ты со смертью играешь! Что ты сделал, а?

Но Кикоть лишь усмехнулся, однако отвечать не стал – просто замер со слегка поднятыми вверх руками.

– Сэм? Что здесь было? – теперь американец посмотрел на связиста.

Тот что-то ответил, но Виктор не уловил смысл.

– Ах ты, сукин сын! – в следующее мгновение, в лицо майора прилетел приклад автомата. Удар был достаточно сильный – потерявший сознание чекист полетел в сторону. Об-

рушив висевшую на стене книжную полку, майор рухнул на пол, словно мешок с цементом...

Когда я вновь открыл глаза, то сначала ничего не понял.

Было темно, с большим трудом угадывались грубые очертания стен, мебели, потолка из кривых жердей. Судя по всему, сравнительно небольшое. Я лежал на спине, на чем-то твердом... Было неудобно. Под головой лежала свернутая в рулон тряпка. Мысли были вязкие, думалось с трудом. Самочувствие – дрянь.

Вокруг – ни души! Это и хорошо, и плохо – как посмотреть.

Всё тело жутко болело, голова гудела. Сильно хотелось пить – пересохший язык во рту ворочался с трудом, едва ли не прилипал к зубам. В горле саднило.

Я попробовал пошевелиться, но острый приступ боли очень ясно дал мне понять, что сейчас этого делать не стоит. Рано.

Где я?

Прислушался – полная тишина, лишь где-то свистел ветер. Звон в ушах прошёл, но со слухом всё равно было не очень хорошо. Отчего-то пахло кипяченой водой.

Я даже не мог сказать, если у меня хоть одно место, где не чувствовалась боль. Это нормально – было, уже проходили.

Последнее, что я помню, как весь израненный скатился с какого-то крутого холма, угодив в грязь. Если это была ка-

кая-нибудь горная речка, то почему я не слышал шума воды? Озеро, пруд, заводь? Да что угодно!

Северная часть Афгана очень похожа климатом и погодой на ту, что была в Туркменской ССР. Немного зелени, холмы, равнины. Были и реки, но я не помню их названий.

Черт возьми, да даже не это главный вопрос... Как я тут очутился? Ну не сам же в бессознательном же состоянии я приполз непонятно куда?!

С большим трудом приподняв голову, я увидел, что в разных местах моего тела видны белые полоски бинтов, кое-где с пятнами крови. Ног я толком не увидел, пошевелить ими не смог. Но обуви на них как будто бы не было.

Очевидно, атаковавшие БТР-80 душманы меня не нашли – иначе сейчас бы я был либо мёртв, либо валялся бы на земле в зиндане и смотрел на ночное звёздное небо. Они бы точно не стали меня перевязывать, тратя медикаменты на какого-то бесполезного, тяжелораненого шурави. Но кто же меня нашел? Оказал первую помощь, притащил сюда... Кто?

Я снова попробовал пошевелиться и перевалиться на бок, но только зашипел от боли. Правая рука была изодрана, в районе лба жгло что-то непонятное. Правый глаз открывался с трудом, лишь наполовину. Меня сковала жуткая слабость, каждое движение буквально кричало – не двигайся, сейчас это лишнее. Но такой расклад меня не устраивал – если я чего-то не знаю, то не успокоюсь, пока не узнаю. Неведение – хуже ожидания.

Вдруг где-то в стороне, не очень далеко что-то громко хлопнуло, затем звякнуло.

— Эй... — тихим, хриплым и надтреснутым голосом, просипел я. — Есть кто?

Но никто не отозвался. Я снова попробовал приподняться, однако опять ничего не получилось.

Тяжко опустив голову обратно на импровизированный валик, я устало прикрыл глаза и внезапно вырубился. Усталость и слабость взяли свое.

Когда я открыл глаза в следующий раз, то увидел, что уже рассвело. Вокруг по-прежнему не было ни души, царила тишина. Отчетливо различались всё те же каменные стены, грубо обмазанные глиной. Потолок, действительно, был из деревянных жердей, на которые сверху была навалена сухая, серая солома. Свет почти не пробивался, что даже странно. Обстановка — мрачная. На стене висела какая-то полка, на ней грубая глиняная посуда. Кувшин, какая-то коричневая тарелка, пара горшков. Повернув голову вправо, я увидел циновки. Грубый шкаф. Обложенный камнями очаг.

В строении было два небольших окна, из которых пробивался яркий солнечный свет. Пахло дымом, какой-то жженой травой.

Мое общее состояние по-прежнему было хреновое, но вроде бы стало немного легче. Глаза уже не закрывались от усталости, хотя голова болела так, что хотелось просто лежать с закрытыми глазами. Внезапно я почувствовал, что

на лбу лежит что-то мокрое, слегка прохладное. С большим трудом приподняв левую руку, я попытался стащить это со лба, но получилось только со второго раза. Это была марлевая повязка желтоватого цвета, видимо, сделанная из нескольких слоёв самого обычного бинта. Компресс?

– Эй, да кто здесь? – как можно громче попытался произнести я. – Эй?

Голос был слабый, хриплый – как будто бы чужой. На мгновение я подумал, что я снова умер и опять где-то переродился, но почти сразу понял, что это не так.

Я, абсолютно беспомощный, лежал на чём-то твёрдом и ничего не мог понять. Кое-как повернув голову влево, я увидел перед собой небольшую, сильно потёртую эмалированную кружку тёмно-зелёного цвета. Точно такая же была у меня в казарме, когда только попал в часть, неподалеку от границы с Афганистаном. Если попытаться описать мое состояние, то просто не хватит слов. Больших трудов мне стоило дотянуться здоровой рукой до кружки – внутри оказалось тёплая вода. Попытка утолить жажду, ни к чему хорошему не привела – половину воды разлил и лишь малая часть попала в рот. И все равно это было весьма кстати.

Чёрт возьми, да мне даже глотать было больно! Смочил только губы и небо.

Вдруг, где-то сзади раздался скрип скрежет. Что-то стукнуло, зашуршало. Послышались шаги. Кто-то вошел.

На всякий случай я прикрыл глаза.

Увидел худощавую фигуру, в свободной Афганской одежде голубовато-серого цвета. Судя по всему, это был старик – я видел густую шевелюру седых волос, сверху была традиционная шапка пуштунка.

Старик повернулся ко мне, несколько секунд было тихо.

– Шурави, я знаю, что ты очнулся... – раздался шелестящий голос незнакомого мне человека. – Не бойся, я ничего тебе не сделаю. Иначе зачем бы я тебе оказывал помощь?

Я медленно приоткрыл глаза, увидел бородатое, испещренное морщинами лицо старика. Афганец, не иначе. На вид, ему лет шестьдесят с лишним, но я вполне мог ошибаться, ведь горцы всегда выглядят моложе, чем их возраст на самом деле.

Голубые глаза, на щеке глубокий рваный шрам. Взгляд внимательный, буквально пронизывающий. Даже жестокий. На лице не было ни капли сострадания – только холод. Даже высокомерие.

– Ты кто? – тихо пробормотал я.

– А какая разница? – негромко произнес старик. – Я спас твою жизнь. Остальное неважно.

Несколько секунд было тихо.

– Где я? – одними губами, едва слышно спросил я.

– Там же, где и раньше. На нашей земле. А сейчас в моем доме. У тебя много ран. Никто не знает, что ты здесь... Я нашёл тебя вчера утром, едва взошло солнце.

Вчера? Это что же получается, я больше суток провалялся

в отключке? Вообще, для изнуренного организма, отдавшего все резервы на последний рывок – моё состояние вовсе не удивительно. Ещё неизвестно, какого рода и характера мои раны и травмы.

– Что ты намерен со мной сделать? – глухим голосом спросил я, глядя на старика.

Вопрос простой, но вместе с тем очень важный. Какова моя дальнейшая судьба? Если он меня нашёл, спас и подлатал, зачем ему все это нужно? Точно не из человеческого сострадания и солидарности. С другой стороны, быть может, он преследует какую-то цель? Мне нужно было понимать, зачем и почему он спас мою шкуру и что меня ждёт дальше...

– Пока не знаю... – вдруг ответил тот, отвернувшись. – Один из шурави два года назад убил моего сына!

Честно говоря, такого резкого ответа я совершенно не ожидал. Кто он, этот старик? Друг или враг? Что он намерен сделать? Мирное афганское население, в разных частях республики, далеко не всё поддерживало присутствие на своей земле советских солдат. Мотивы были разные. Они вполне могли улыбаться тебе как гостю, а как только отвернёшься, вонзить нож в спину. Никогда не знаешь, чего ожидать от таких людей, уставших от бесконечной войны.

– Зачем ты мне помог?

– Хватит вопросов... – он говорил на ломаном русском, иногда путая слова и предлоги, то и дело переходя на пушту и обратно на русский. – Спи...

Вдруг, вытащив что-то из кармана, он сунул это мне под нос... Я вдохнул, закашлялся. Внезапно почувствовал, как через неприятные ощущения проваливаюсь в какой-то странный сон.

– Что... что это такое? – я вяло взмахнул забинтованной рукой, попытавшись отмахнуться от руки этого странного старика, но получилось совсем плохо.

– Мы поговорим, когда я решу, что для этого пришло время! – твёрдо произнес он, глядя мне в глаза.

Я еще успел уловить смысл, но обдумать услышанное уже не смог – мозг уже уверенно проваливался в сон, а за ним и весь организм.

Чёрт возьми, подобный расклад меня совсем не устраивал... Ну, ничего! Выкарабкаемся!

Глава 3. В плену у Сафира

Кажется, прошло около суток.

Большую часть прошедшего времени я проспал, а когда очнулся, увидел рядом на столике кривую глиняную тарелку с какой-то мелкой крупой, грязно-коричневого цвета... Судя по всему, она была сваренной. Выглядело неаппетитно, но в животе все равно заурчало. Я не смог определить, что это такое, но было похоже на грубый, плохо почищенный булгур. Как на вкус – пока не знаю.

Не было ни ложки, ни вилки – по-видимому, подразумевалось есть прямо так, руками из тарелки. Моджахеды, крестьяне и местные торговцы ели именно так, без приборов. Рядом с тарелкой стояла все та же эмалированная кружка с теплой водой.

Внезапно, вот прямо в эту секунду мне зверски захотелось есть и пить. Это хорошо – прямой показатель того, что мой организм взял курс на поправку. Это хороший знак. Я облизнулся, кое-как дотянулся до тарелки.

Прислушался – тишина. Старика не было. Сложно говорить о том, кто спас тебе жизнь, при этом не зная, как к нему обращаться.

С трудом повернувшись на бок и приподнявшись на локте, я наконец-то получил возможность рассмотреть свои израненные ноги – все в бинтах. Кое-где были видны неболь-

шие пятна крови, просочившиеся сквозь плотные бинты. Очевидно, меня посеколо осколками, когда взрывной волной мое тело выбросило из салона бронетранспортёра.

Из-под слоя бинтов торчали мои грязные ступни с пальцами, кое-где с размазанными следами засохшей крови. Неприятный момент, но могло быть намного хуже. Дубовые армейские берцы, хотя и порядком ношенные, все же выдержали. Хорошо, что из военного госпиталя меня выпустили в ботинках, а не в резиновых шлепанцах... Иначе бы сейчас картина была бы совершенно иной.

Старик-афганец приходил раз в день, перевязывал и обрабатывал мне раны, но все процедуры делал молча. Он был агрессивен, злился на меня. Ругался. Я пробовал заговорить с ним, задавал самые простые вопросы, но тщетно. Тот молчал, хмурился и напрочь меня игнорировал. Не скажу, что меня это сильно раздражало, скорее, просто было странным.

Дотянувшись до тарелки с булгуром, я осторожно взял ее перевязанной рукой и принялся есть прямо так, рукой. Вытер ладонь о китель. Конечно, хорошо бы руки помыть, да нечем и вряд ли у меня это сейчас получится. Пришлось рискнуть – ну да, диареи мне сейчас для полного комплекта не хватало. Нужно преуменьшать.

Впрочем, никаких последствий, к счастью, не было.

Вареная крупа и впрямь очень напоминала булгур, но всё-таки это было что-то другое. Полусухая, практически безвкусная. Ни соли, ни сахара у старика не было, либо он про-

сто не хотел их тратить на меня. И это тоже было странно, поскольку медикаментов он почему-то не жалел. Одних только бинтов перевел не меньше трёх упаковок. Если вдуматься, то откуда у него все это? И кто он, черт возьми, такой?

Доел все, что было в тарелке. Запил водой. Голод немного утолил, жажду вроде бы тоже. Хорошо бы ещё добавки, однако сразу слишком много нельзя. Вернул тару обратно.

Полулежать в такой позе было неудобно – рука быстро затекла, поэтому я попробовал сменить позу. Пришлось сесть, хотя это далось мне нелегко. Болели бока, руки, ноги... Черт возьми, да все болело! Хорошо, что острой боли уже не было... Наверняка несколько ссадин и синяков я получил в то время, пока катился с того холма.

С трудом приняв вертикальное положение, я осмотрелся повнимательнее.

Начал с себя – голова тоже перемотана в районе лба, правая рука забинтована. Вероятно, это последствия удара о камни. Судя по ноющей боли, там рваная ссадина или что-то в этом роде. На щеке глубокая царапина – такая заживёт, шрам все равно останется надолго.

На мне все так же была военная форма, грязная и потерянная, в пятнах крови. Штанины распороты, частично срезаны. Обуви, как я ранее уже говорил, на ногах не оказалось. Старик снял и выбросил?

Помещение оказалось сараем. Самым обыкновенным, каких в Афганистане тысячи. Да и не только в этой республи-

ке. Вместо кровати, какой-то уродливый, грубо сколоченный топчан, твердый и неудобный. Очаг, гнутый, сильно закопченный чайник туриста. Угли.

Тесновато, свободного места совсем немного. Для троих здесь уже будет совсем неудобно. Естественно, никакого электричества... Они жили совсем иначе, не так, как привык среднестатистический советский человек. Крыша и стены есть? Хорошо, это и будет дом, хотя бы на время.

Прислушавшись к собственному самочувствию, я вдруг пришел к выводу, что голова уже почти не болит, звон в ушах тоже пропал. Это уже хороший знак – иду на поправку, все заживает как на собаке. Китайской.

Справа на стене прямо в стену был вбит ржавый железный крюк, на котором висела обычная цепь. Не очень толстая – на таких в различных деревнях и сёлах держат дворовых собак.

Дверь деревянная, из кривых досок. Через многочисленные щели пробивался белый свет. Было тихо, как и до этого. Наверняка дверь заперта – в своем состоянии этого я проверить не мог. Пока не мог.

Очевидно, старик либо жил где-то рядом, либо наоборот, не здесь, а где-то на удалении.

Что это, кишлак? Отдельный сарай? Дом? Заброшенные руины?

Ранее я ошибочно считал, что эта часть гор на севере Афгана уже давно вся разведана вдоль и поперек. Однако мое участие в разведывательной операции в прошлом году пока-

зало, что эти горы скрывают много секретов... Все доклады за несколько лет были фиктивными. А между тем, иногда происходит нечто важное! Стоит только вспомнить ту встречу с американским агентом.

Интересно, будет ли кто-то искать наш БТР и УАЗ? Наряд из комендатуры, старлея Чеснокова... Кто-то же ими руководил, причем с явными нарушениями и не совсем официально. Получается, я не погиб, я пропал без вести. Тоже ничего хорошего, но хотя бы не похоронка.

Да, спустя время их, конечно же, найдут, посчитают телом... А что же со мной? Будут меня искать, не будут? Или кому я на хрен сдался?

Сидеть было тяжело, поэтому я опустил обратно на топчан. Сделал всего несколько движений и уже устал... Накаптал сон. Черт возьми, такими темпами я буду долго приходить в себя.

Не прошло и получаса, как снаружи послушали шаги. Скрипнула дверь, внутри стало светлее. На входе показался старик с каким-то большим свертком в руках, на плече висел кожаный бурдюк. Никакого оружия при нем, я не заметил и это по-своему хорошо и плохо.

Когда он заметил меня сидящего почти вертикально, окинул внимательным взглядом, тяжело вздохнул. Молча закрыл за собой дверь, кинул свёрток рядом со мной.

Я тихонько наблюдал за его действиями, затем негромко произнёс:

– Кем бы ты ни был, я благодарен тебе за спасение... За то, что оказал помощь. Правда, не понимаю, зачем тебе вообще это было нужно? Кто ты такой?

Старик слушал, но никак не реагировал на мои слова, он развязывал свёрток.

– Может, хотя бы имя своё скажешь? – спросил я, пытаюсь вывести его на разговор. Тот снова не ответил.

– Когда я поправлюсь, что ты намерен делать?

Несколько секунд было тихо, но было очевидно, что несмотря на заданные мной вопросы, старик не собирался разговаривать. Откуда такие принципы?

– Черт возьми, я что, со стеной разговариваю? – вспылил я, устав от его безразличия. – Ответь мне! Ну!

– Дерзкий... – хмыкнул он. – Ну, ничего!

Развязав свёрток, он выудил оттуда какие-то мятые тряпки, похожие на одежду.

– У меня нет никакого желания с тобой разговаривать! – медленно процедил он, протягивая каждое слово. Видимо, все же решил поговорить. – Скажи спасибо, что я не бросил тебя, а притащил сюда... Там, на берегу, ты сдох бы, будто собака.

– Где я? Куда ты меня притащил? Откуда?

– Это мой дом, а меня зовут Сафир. И больше на твои вопросы я отвечать не буду. Я ещё не решил, что с тобой делать... А если будешь шуметь, если не станешь соблюдать мои правила, сильно пожалеешь.

– Сафир? – переспросил я. – Это же не Афганское имя! Кто ты такой? Таджики? Нет, не похож.

Больше в тот день я не добился от него ни слова. В том же свёртке у него оказалась половина какой-то лепёшки не первой свежести, но зато вполне съедобной. А в бурдюке оказалась вода.

Пробыв в сарае совсем немного времени, он вскоре вышел и закрыл за собой дверь. Судя по звукам снаружи, дверь он закрыл за замок. Ну, ясно, чтобы я не сбежал.

У меня было много времени подумать над ситуацией – больше тратить его оказалось просто не на что. Картина не такая уж и сложная, главное – рационально подойти к делу.

По ощущениям я просидел в этом сарае три дня, три чертовых дня. Это было нелегко – торчать в четырех пыльных стенах, да ещё и в одиночку. Большую часть времени я, конечно же, спал. Набирался сил. Во время сна организм восстанавливается лучше всего. Во время бодрствования, я самостоятельно снял повязки, и я смотрел свои раны на ногах. Правая нога пострадала больше, чем левая. Раны глубокие, от когтей. На заживление уйдет не меньше месяца, но торчать столько в этом сарае – крыша поедет!

В целом, картина была более-менее ясна. При подрыве БТР-80 меня, действительно, хорошо посеколо мелкими осколками, большая часть которых неглубоко осела в икрах, голених и бёдрах. Судя по всему, пока я был без сознания, Сафир извлёк их все или почти все. Исходя из этого, напра-

шивалась закономерная мысль: он что, врач? Военный хирург? Здесь, в глуши?

Впрочем, где именно находилось это место, я не знал. Вполне возможно, что он нашёл меня за много километров отсюда, притащил на волокуше, привез на осле, сплавил на плоту! А может, у него есть машина? Теоретически возможно, хотя это слишком жирное удовольствие для одинокого старого афганца. Как ее обслуживать в условиях, когда страна погрязла в многолетней войне? К тому же, воюющие душманы из оппозиции непременно заметили бы здесь транспорт и просто забрали бы его для своих нужд.

Нет, крайне маловероятно, что у него вообще есть машина. В горах она ни к чему, потому что там дорог нет.

К тому же, быть может, мы сейчас и не в горах вовсе. Большая часть северной части Афганистана – это холмистая равнина и предгорье. Открытая, пусть и частично. Все просматривается авиацией. Правда, вертолеты по-прежнему почти не летали из-за угрозы «Стингеров».

Старик Сафир приходил каждый день, оставлял немного еды, воду и менял повязки. Он все время молчал, практически не разговаривал. Был мрачным, угрюмым. Я все время наблюдал за его действиями – видно было, что он знал, что делает. При этом никаких особых средств для оказания медицинской помощи у него не было – судя по тому, что я увидел, все медикаменты были из советских армейских аптек. Не только АИ-1, но и полевых сумок ротных и взвод-

ных санинструкторов.

Я сделал вывод, что все это либо было выменяно, либо украдено. Или же просто найдено после нападения духов на какой-то немногочисленный патруль или колонну. Не исключено, что именно так Сафир нашел и меня...

На четвёртый день он явился снова.

Прямо с порога заявил:

– Ходить уже пробовал?

Конечно же, я пробовал. Было больно, тяжело – меня хватило всего на несколько шагов. Из небольшого окна я увидел, что сарай стоит в предгорье, вокруг скалы, нагромождения из камней и валунов. Но имелась и дорога, по которой редко ходил транспорт.

– Ну да, пробую...

– Это хорошо. Тебе нужно помыться.

– И как я это сделаю?

– Выходи из дома, увидишь! Я помогу!

– Я ходить не могу! Да и зачем мне твоя помощь?

– Вот! – он поставил рядом со мной самодельный костыль.

– Пригодится!

И верно – с ним, действительно, ходить было ощутимо легче. Забегая вперед, привык я к нему не сразу. Когда я выбрался во двор, то увидел ещё два сарая – один повыше, другой пониже. Оба выглядели нежилыми. Ещё я видел небольшой ручей, в котором едва слышно журчала вода.

Мыться пришлось холодной водой – никаких удобств.

Окончательно сбросив себя всю свою старую, рваную одежду, я остался в одних трусах. Позднее, старик ее сжег или закопал.

– Ну, чего встал? – возмущённо спросил Сафир. – Ты мыться будешь или как?

– Вода ледяная же!

– И что?

Я не стал возражать – мыться в ручье, сейчас, пожалуй, единственный вариант соблюдать гигиену. После госпиталя, после ранений, это нужно было сделать. Сильно хромая, опираясь на костыль, я подошёл к ручью. Сафир дал мне глиняный горшок с ручкой, чтобы я использовал его как ковшик. Во дворе я нашел нож, который только для резки бумаги.

Было холодно, неприятно, но зато очень хорошо бодрило и прочищало мозги.

Одновременно я тщательно осматривался по сторонам, подмечая отдельные детали, строения, рельеф местности и ориентиры. Наберусь сил – однозначно сбегу. Знания опыт и наблюдательность – это хорошо. Только для начала нужно понять, куда и в какую сторону бежать? И какие же цели преследует этот чертов старик!

Закончив с рильно-мыльными процедурами, я переоделся в одежду, что хозяин сарая притащил мне ещё несколько дней назад. Она оказалась слишком свободной, но за неимением лучшего, довольствовался тем, что было. Мне досталась свободная, тёмно-серая рубаха, какие-то непонятные

штаны, больше похожие на ободранные бриджи, короткая жилетка. Все не очень чистое, но хоть так. На ногах по-прежнему ничего не было, да и рано мне надевать обувь. Вот через неделю – возможно.

Когда Сафир велел мне идти обратно в сарай, он зачем-то снял со стены ту самую цепь, что я видел ранее.

Вошёл внутрь, он ловко нацепил её мне на левую ногу и зафиксировал. Я тут же обратил на это внимание:

– Это еще зачем?

– Раз ты теперь можешь ходить, дверь запирать я не стану. Но меры принять обязан, для твоего же блага. Я не могу постоянно быть рядом.

– Сафир, я тебе что, собака? – возмутился я, глядя на него с негодованием. – Куда мне идти в таком состоянии?

– Так нужно! – злобно произнес он. – Или ты забыл, кто ты?

– И кто же я? Раб?

Конечно же, слышал множество историй о том, как пленных советских солдат спокойно продавали в рабство местным жителям, торговцам и бойцам оппозиции. Там они выполняли самую грязную и тяжелую работу, убирались, таскали камни, глину и цемент. Строили укрепления. Там же они и умирали, от усталости, пыток или голубя.

– Нет, пока нет! – он посмотрел на меня жестким выразительным взглядом. – Но ты можешь легко им стать! Я могу продать тебя в любой момент...

– А, ну ясно! – само собой, я был с ним в корне не согласен. Да чтобы я стал рабом?! Ну уж нет, не бывать такому!

Правда, в своем состоянии я не на многое способен. Ну да ничего...

Теперь я мог выходить из сарая на три метра, осматриваться по сторонам вот, в общем-то, и всё. Цепь была старой, но вроде как надёжной. Впрочем, уже через два дня я быстро избавился от неё, перебив её тяжёлым камнем. Теперь я мог свободно снимать её и цеплять обратно. Мог бы попробовать и сбежать, но сейчас в этом не было никакого смысла – далеко бы я не ушёл, у меня не было ни карты, ни запаса воды и пищи. Да вообще ничего.

На то, чтобы снять цепь или надеть обратно, у меня уходило всего несколько секунд, благо Сафир ничего не замечал.

Когда он появился снова, я удивился резкой перемене в его поведении – он был взволнован, явно торопился куда-то. Оглядывался назад.

– Шурави, сюда! Иди! Живее!

– В чем дело?

– Сюда идут... они не должны тебя видеть! Душманы, душманы...

Честно говоря, я ничего не понял. Ну, понятно, что приближались духи. Вооружения не было. Это норма. Для меня, конечно же, в этом не было ничего хорошего, а он-то ничего, не переживает?

– И что? Я ведь раб!

Но на эти слова Сафир ничего не ответил. Он отцепил от моей ноги цепь и, ухватив за руку, с силой потащил к соседнему сараю.

– Если жить хочешь, нужно спрятаться!

Кое-как добравшись до него, он распахнул дверь, вошёл внутрь и ногой сдвинул деревянную крышку, накрытую циновками. Там обнаружилась пустая ниша, в которой с лёгкостью могло поместиться аж три человека.

– Лезь! Ну! Кому сказал?

Как раз в этот момент вдалеке послышались крики, возгласы. Я мельком успел увидеть приближающийся отряд вооружённых душманов. Их было человек семь, большего я не разглядел.

– Кто это такие?

– Люди Алима! Нет времени для разговоров! – старик пихнул меня вперёд, я торопливо влез в нишу, а заодно подтащил с собой костыль. Крышка легла обратно, стало темнее. Я ещё успел услышать, как хлопнула входная дверь.

Раздались незнакомые недовольные голоса – говорили на пушту. И хотя я понимал далеко не все, было ясно, что эти духи – не просто патруль. У них какая-то серьезная цель.

Старик что-то спрашивал, но ему отвечали как-то резко, короткими фразами. Оно и понятно, судя по имени, он не был Афганцем, поэтому к нему были вопросы. Судя по всему, они вообще считали, что тут никого не должно быть. Вдруг в сарае хлопнула дверь, потом ещё раз. Кажется, они

что-то или кого-то искали... В какой-то момент вдруг раздался одиночный выстрел, потом ещё один. А затем повисла почти полная тишина, голоса Сафира я больше не слышал...

Вот дерьмо, душманы что, хотят остановиться здесь? Сейчас? Надолго?

Глава 4. Наблюдатель

Лежать на голой земле в неудобной позе, сверху накрытым тяжёлыми пыльными досками – далеко не самое лучшее удовольствие... Но разве в сложившейся ситуации, когда все бегом-бегом, были другие варианты?

Увидев раненого шурави в плену у старика, душманы просто расстреляли бы меня. По мне видно, что в плену я совсем недавно, это можно связать с фактом обстрела нашего бронетранспортера. Тут даже без вопросов, потому что брать меня в плен сейчас не имело никакого смысла. Кто меня будет таскать за собой?

По сути, сейчас мне оставалось только одно – лежать и слушать. Ну и ждать подходящего момента для побега, конечно. Выяснять отношения с духами у меня не было ни желания, ни возможностей. Правда, тут у меня возникали некоторые сомнения. И если поначалу шума снаружи было предостаточно, то спустя двадцать минут вокруг повисла почти полная тишина. То ли душманы просто ушли, то ли засели где-то неподалеку. Свистел ветер, также присутствовали и другие естественные звуки, но о том, что противник рядом, ничего не говорило.

Если подумать логически, то вряд ли они ушли – время вечернее. Ночью по горам никто не ходит.

Перевернувшись на живот, я попробовал осмотреться

внутри тайника. Тело еще болело, но за последнее время я привык к тому, что боль всегда со мной. Любое неосторожное движение – получите, распишитесь. Но она уже не воспринималась так, как раньше. К тому же, я обладал навыками подавлять боль, когда того требовала ситуация.

Само собой внутри полости было темно – ни черта не видно. Через щели пробивался тусклый свет, но не более. Внутри было ещё и очень неудобно. Выпирающие из земли острые камни вовсе не добавляли комфорта. Отсюда возникал вопрос, а зачем Сафиру вообще понадобился этот тайник под сараем? Это же совсем нетипично для афганского народа. Тем более что вся эта группа строений была брошенной и, вероятно, кроме меня и Сафира тут давно никого не было... Может, это вообще не его тайник? Но тогда откуда он об этом знает?

Визуально, еще когда старик меня только прятал, я ничего толком и не разглядел. Все было быстро, торопливо. Однако сейчас, пусть и на ощупь, но я все же смог различить, что внутри, под ногами, лежало что-то твердое и тяжелое, замotanное в плотную тряпку.

О том, чтобы разобраться, что же там внутри, на месте, прямо сейчас, даже и речи не было. Дышать пылью тоже рискованно – если я неожиданно чихну и рядом окажется душман, получится очень неприятная ситуация. Кто в пустом сарае может чихать? Уж точно не заблудившийся в холмах баран. И не крысы.

Вдруг я услышал торопливые шаги, шум. Кто-то открывал дверь в сарай, где я лежал. Старик? Так он жив, что ли?

Но это оказался не старик – голос не его. Этот был молодой, резкий. А Сафир говорил со старческой хрипотцой. Наверное, кто-то из прибывших духов решил осмотреть все строения... Зачем? Можно только догадываться, может, что-то искал? Дрова, воду, провизию. Может, оружие.

Черт возьми, да могло быть десяток причин, что им тут понадобилось. Но тогда возникает и другой вопрос, а зачем Сафир вообще меня от кого-то прячет? Я ж вроде как раб у него... Рабом я себя, конечно же, я не считал, особенно после всего, через что мне уже довелось пройти в Афганистане. Матерый волк и вдруг раб? Ага, конечно! Правда, сейчас я попал в непростую ситуацию, и вариантов у меня было немного. Эх, еще неделя и я мог просто уйти бы, но нет же...

Снаружи послышался крик, ему ответили. Потом еще крик – уже с другой стороны. Так, духи точно здесь, сомнений не осталось. Нужно быть осторожным. Но не лежать же тут весь вечер и всю ночь? Черт возьми, да я даже выбраться без посторонней помощи отсюда не смогу. Или смогу?

Выждав еще, я дождался тишины. Прошло минут двадцать.

Улегся удобнее, уперся руками в доски, попытался их приподнять. Тяжёлые, мля... Да и я сейчас совсем не спортсмен, сил вообще нет. От груди килограмм десять если выжму и то хорошо. После того, как я чудом уцелел при подрыве

БТР-80, на котором меня везли в комендатуру, по-хорошему нужно недели три восстанавливаться. А тут прошло всего несколько дней, да и условия содержания у меня те ещё...

Поднять доски не получилось – на них сверху лежали тяжёлые и плотные циновки, а может, Сафир ещё что сверху чего-нибудь накидал... Но зато я понял, что их можно сдвинуть в сторону. Попробовал – да, тяжело, но вполне себе реально.

Подождал еще. Тихо сдвинул ближайшую доску влево сантиметров на десять, потом вторую. Стало светлее. В сарае, действительно, никого не было, а дверь открыта нараспашку. Ветер гоняет ее туда-сюда, отчего та кряхтит и поскрипывает, будто живая.

Сдвинул доски ещё немного, правда, пришлось немного пошуметь. Оказалось, сверху, прямо на циновки Сафир набросал дров и камней – для убедительности. Сарай же всё-таки. Правда, это слово у разных людей может ассоциироваться с разными смыслами. Сарай у персов – это в некотором роде дворец.

В естественных условиях на столь незначительный шум никто даже не обратит внимания. И все же, по-прежнему нужно быть осторожным. Неизвестно, зачем духи сюда пожаловали. Вдруг заподозрили, что старик Сафир держит тут пленного советского солдата. Точнее, прапорщика. Или ждут кого-то еще?!

Кое-как выбравшись наружу, я осмотрелся. Заглянул

внутри ниши, где я лежал ранее, дотянулся и подцепил пальцами, вытащил оттуда большой, грязный и пыльный сверток. Он оказался весьма тяжёлым. Развернув его, я присвистнул. Честно говоря, ожидал, что может быть у старика там огнестрельное оружие припрятано или иной ценный скарб. А оказалось, что внутри лежали две старые минометные мины калибра восемьдесят два миллиметра. Обе шестиперые. Судя по их внешнему виду, не удивлюсь, если им лет по двадцать. И на кой черт Сафир их тут прячет?

Аккуратно извлёк их одну за другой, положил на циновку. Прикрыл тряпками. Затем вернул доски обратно. Выглянул из сарая – никого. Однако до меня изредка долетали отдельные возгласы откуда-то снизу.

Я давно уже успел все тут рассмотреть – выходил подышать воздухом, когда от цепи избавился. Это была небольшая площадка, со всех сторон окружённая скалами, камнями. Сюда вела довольно узкая тропа – по ней пришли духи и по ней же уходил и возвращался старик Сафир. Других дорог не было, но я мог их попросту не разглядеть.

Здесь имелось немного растительности в виде низкорослых кустарников, корявых и уродливых деревьев, сухой травы. По сути, это холмистая равнина, переходящая в предгорье.

Все строения стояли тут вразнобой, абы как. Невысокий дувал давно развалился, ветер гонял как попало. Расстояние до ближайшего строения – примерно метров двадцать.

Судя по звукам, говорили двое. Где-то неподалеку, но за пределами видимости – ветер доносил до меня звуки речи.

Время уже вечернее, около пяти часов, если судить по солнцу. Нужно выждать немного и понять, с кем имею дело. Если силы серьезные, нужно уходить. Правда, это так себе идея. Куда я пойду в таком состоянии, да еще и без оружия? Без воды и провизии?

Душманы, скорее всего, останутся на ночевку, потом у них будет вечерний намаз... Мне либо бежать, либо попытаться их нейтрализовать. Будь я в нормальной физической форме, сделал бы все красиво и в чистом виде, без шума и пыли. Однако сейчас из меня боец никакой, а это значит, что придется действовать альтернативно. Неоригинально и наверняка.

Я поискал глазами тело старика – его нигде не было. Возможно, стреляли не в него, или же только ранили. Или же просто избавились от тела... Тут может быть как угодно! Полет фантазий! В любом случае, судьба Сафира меня особо не заботила, несмотря на то, что ранее он спас мне жизнь. Он мне никто, смельчак в возрасте, отчего-то возомнивший, что может решать мою судьбу!

Я выглянул ещё раз, убедился, что никого нет, и полностью выбрался из своего сарая. Пригнувшись, морщась от боли, проскочил за камни, что были справа. Если забраться повыше, то оттуда можно рассмотреть, где дислоцируется противник. Они могли находиться в одном месте, а могли

разбрестись во все стороны. Пока четкого плана у меня не было, но кое-что уже пришло на ум. И если получится, это будет весело...

Забираться по голым камням наверх, было непросто. Обувь на ступнях у меня не было, ноги в бинтах. Рука тоже была травмирована. И хотя сами ступни целы, все остальное отзывалось болью. Раны толком еще и не зажили. Пришлось сделать небольшую остановку и потуже затянуть бинты. Пошел дальше.

Высота небольшая, метров двадцать с лишним. Но обзор оттуда должен быть нормальным. Главное, что наверху росли кустарники, за ними меня никто не увидит. Вряд ли духи знают, что кроме них и старика тут может находиться кто-то ещё – они ведь уже все осмотрели. Увидеть меня могут только случайно, если я где-то допущу оплошность.

Но такого шанса я им точно не дам...

Практически сразу после возвращения группы «Зет», обстановка по всему Афганистану начала меняться. По результатам проведенной специальной операции «Петля», советскими разведчиками были пойманы два очень важных языка. Обоих достаточно быстро удалось разговорить – в этом изначально не было никаких сомнений. Есть такие люди, которые хорошо умеют делать только одну вещь – заставлять говорить других. Хотят они того или нет.

Афганский генерал, после доходчивых разъяснений по-

дробно рассказал переводчикам, где находятся подконтрольные ему полевые лагеря, склады с оружием, маршруты караванов. При этом присутствовал целый штат разных представителей. Военная фармакология уже тогда давала неожиданные результаты, а с применением традиционных физических и психологических методов допроса, эффект был просто поразительным.

В Министерстве Обороны СССР такому повороту событий были крайне рады – наконец-то произошел основательный сдвиг в ходе многолетней и вялотекущей войны. Все происходило на высшем уровне, было задействовано сразу несколько крупных направлений. А то ведь кое-где уже пошли разговоры о том, что несмотря на военные успехи первых месяцев, значимого дальнейшего успеха уже не будет и войну нужно заканчивать. Мол, экономически это совершенно невыгодно.

Такое количество полученной засекреченной информации стало крупным поводом для того, чтобы серьезно перезапустить советскую военную машину по всей ДРА. Конечно же, быстро такое не происходит. Но тем не менее, это уже первые предпосылки к переосмыслению всего ранее достигнутого. Согласно новой принятой к разработке концепции, с сентября по декабрь было предложено плавно увеличить контингент советских войск в Афганистане вдвое, довести его до двухсот тысяч человек, а также значительно расширить парк авиационной техники. Вдоль всей границы с Па-

кистаном предлагалось выстроить сеть укрепленных блокпостов для постоянного наблюдения, поскольку именно оттуда просачивались душманские формирования.

Одновременно приступили к началу разработки плана «Шторм», который позволил бы атаковать силы оппозиции на северо-востоке, востоке и юге Афганистана так, чтобы не оставить мятежникам ни шанса на перегруппировку. С трёх направлений сразу.

ГРУ ГШ СССР работало не покладая рук... Учебный центр, где ранее проходила обучение специальная группа «Зет», уже готовил сразу семь новых подразделений по той же самой программе. Одновременно собирались строить второй учебный центр на юге Туркменской ССР, больше предыдущего.

Одновременно шла плотная разработка и захваченного в плен американца Джона Вильямса. Его статус позволял быть в курсе всего и вся, грубо говоря, конечно. Однако этим уже занималось исключительно КГБ и какие они использовали методы – не разглашалось. Само собой, СССР не стал кричать на весь мир, что в Афганистане был пойман американский военный советник, агент ЦРУ.

Он военный преступник, он убивал советских солдат и офицеров. Подобное обвинение спугнуло бы Запад, заставив его изменить курс, принять новые неожиданные меры. А это могло привести к чему угодно. Именно поэтому, так сказать, на опережение, было взято другое перспективное направле-

ние – работать так, будто бы о судьбе американца Союзу ничего не известно. Информация от бывшего агента ЦРУ позволила узнать, где именно располагались все тренировочные базы на границе с Пакистаном и на его территории.

Готовился серьезный ультиматум – если с территории Пакистана будут продолжать выходить вооруженные бандформирования моджахедов, то Советским Союзом будут приняты жёсткие ответные меры. Пакистан, конечно же, не воспринимал никаких угроз, не понимал, в чем дело и должен был проигнорировать ультиматум. В результате, Союзом должен был нанесен ракетный удар, который полностью уничтожил бы одну из таких баз подготовки душманов.

Подобная разительная перемена в действиях Советского Союза сильно удивила бы и сбила с толку западных союзников оппозиции. Что было на руку. Это заставило бы весь мир обратить внимание, что как раньше уже не будет и пересмотреть отношение к Афганистану и СССР в целом. Хочешь не хочешь, а всё-таки придется считаться с новыми требованиями такого гигантского соседа.

Также были выявлены многочисленные каналы поставок оружия и боеприпасов, полевые лагеря, тайные склады, где хранились все завезенные в Афганистан ПЗРК «Стингер». В короткие сроки штурмовая авиация в виде бомбардировщиков нанесла несколько массированных атак, уничтожая склады один за другим, а оппозиция сдавала позиции. Американская операция «Тайфун», которая заключалась в финан-

сировании и военной помощи оппозиции, в скором времени должна была захлебнуться. Но это пока еще вовсе не означало, что война закончена...

Но только часть этих событий происходила в то самое время, пока прапорщик Громов валялся в госпитале, а уже после попал в плен... Ведь как известно, быстро ничего не делается, особенно в таких масштабах!

Само собой, сам Максим Громов об этом практически ничего не знал, а его непосредственное руководство в лице полковника Хорева, занималось разработкой иной, отдельной операции...

Забравшись на самый верх и спрятавшись за кустами, я принялся наблюдать за обстановкой.

Душманов я увидел сразу же, правда, их было только четверо. Все вооружены, но ничего серьёзного они собой не представляли. Обычная банда. Дисциплина плохая, никаких мер принято не было. Видимо, осмотрев это место, они убедились, что посторонних тут нет и решили разбить лагерь. Двое разжигали костёр, а остальные разделявали тушу небольшого барана... В Афгане много представителей фауны, которые носят рога и копыта. Подстрелить такого несложно, а в этих землях их было множество.

– Ах вот вы что задумали! – процедил я, догадавшись, что те решили устроить здесь трапезу. Это займёт много времени, а я никуда не спешу.

Старик Сафир был жив, находился рядом с ними, но сидел отдельно. Судя по всему, ему связали руки. Ран у него я не заметил. Видимо, у душманов возникли вопросы, кто он такой, что тут делает один, да ещё и без оружия. Скота тут нет, растений тоже... Какова цель его нахождения здесь?

Когда начало темнеть, явились все остальные душманы. Теперь их было восемь.

Огнестрельного оружия у меня не было, да и холодного тоже. Физическое состояние – дрянь. Устраивать самодельные ловушки не было ни ресурсов, ни инструментов. Хотя, навыки и знания имелись. Тут, как ни крути, а я был сильно ограничен и возможностей у меня было совсем немного.

Когда от жаренного на костре мяса по поляне потянулись восхитительные запахи, я даже облизнулся. В животе заурчало – от баранины я бы точно не отказался, так как Сафир кормил меня плохо. Лепешка, вареная крупа, вяленое мясо. Вот и все. Еще хотелось пить.

Ленивые и беспечные душманы не выставили караул, да и вообще, никак не позаботились о том, что их могут застать врасплох. Вот оно отношение... Это для меня совсем не новость. Именно на этом я и решил реализовать свой план. Я вновь спустился вниз, взял одну из обнаруженных миномётных мин и решил обойти стоянку душманов с востока. В темноте сделать это было несложно, правда, передвигаться голыми ногами по камням – это совсем неприятно, но если двигаться медленно и аккуратно, то все получится!

Я намеревался забросить мину точно в их костёр – подобный трюк я уже проделывал ранее, когда мы бежали из кишлака старика Иззатуллы.

Мне нужно было как-то отвлечь пирующих духов, переключить их внимание. Честно говоря, ничего толкового в голову не приходило... Но кое-что из самого элементарного попробовать все же стоило. Вдруг сработает?

Подобравшись совсем близко, я оказался всего-то метрах в пяти от них... Слышал, как они чавкали, смеялись и болтали между собой. Им было невдомёк, что смерть уже бродила рядом. В моем облиии!

А я сидел в колючих кустах и ждал. Нюхал приятные запахи, облизывался.

Духи сидели кучно, точно вокруг костра.

Я вооружился небольшим камнем и, выждав подходящего момента, швырнул его вперёд. Тот громко щёлкнул по скале, с шумом отскочил. Мимо – никто и ухом не повел. Повторил прием, опять не в тему.

Когда где-то рядом посыпались камни, душманы тут же напряглись... Вскочили со своих мест, похватали оружие и принялись кричать что-то невнятное. Отошли от костра вперед, оставив площадку без контроля. Пока они выясняли, что там за шум такой и кто виноват, я ловко выскочил из-за камня, пробежал метра три с половиной и размахнувшись, швырнул мину точно в пламя большого костра... Взвился столб искр, затрещали сучья. Резко стало ярче.

К счастью, меня не заметили. Я тут же юркнул обратно, по пути подцепив одну из сумок душманов... Пригодится! Возможно, в ней найдется оружие?

Теперь в любую минуту тут случится бабах... Если, конечно, мина еще боеспособная! Осколками посечет все вокруг, вероятно, зацепит и Сафира. А мне-то что? Повезет – уцелеет!

Нужно было ждать...

Вдруг послышался далекий шум вертолетного рокота. Черт возьми, теперь еще что?!

Глава 5. Исход

Вертолётный рокот приближался.

Духи его тоже слышали, с возгласами вскочили на ноги.

Принялись тыкать стволами автоматов в небо.

По-хорошему, им бы погасить костер, скрыть признаки того, что здесь вообще кто-то есть, но они даже не догадались. Попрятаться за камни, но куда там... Они слишком глупы, их этому никто не учил!

Кто мог летать в Афганистане, да ещё на севере, в сотне километрах от границы? Только наши, либо представители правительственной армии ДРА. Либо, как нечто из ряда вон выходящее – подобные иностранные агенты, вроде Джона Вильямса, кто тоже мог прилететь на отдельном вертолёте... Впрочем, это единичный случай! Вряд ли подобное еще может повториться!

Я тоже принялся озираться по сторонам – в темное время суток заметить на небе вертушку куда сложнее, чем днём. Только по бортовым аэронавигационным огням, да и то не всегда. Но сейчас небо было чистым, а характерный рокот, достигнув определенного предела, вдруг начал удаляться... Скорее всего, вертолет прошел выше и в стороне. Сложно понять, на каком удалении. Вряд ли экипаж мог обратить на нас внимание.

Эх, а ведь только-только появилась весьма серьезная на-

дежда на то, что это какая-то поисковая операция или ночной облёт по каким-то специальным вводным... Ну, не судьба, куда деваться? Я привык рассчитывать только на свои силы, чего зря себя обнадеживать?

Душманы же, также сообразив, что опасности нет, опустили оружие, расслабились. Для них советские Ми-24 – это страшная вещь, аки шайтан, с которым лучше не связываться, если ему нечего противопоставить. А у этих не было. Максимум РПГ, да и то я подобного не наблюдал среди их вещей.

С момента моей выходки прошло не более минуты.

Я притаился в удобной ложбине, за большим камнем, ожидая взрыва брошенной в костер мины. Если она окажется исправной, то вот-вот рванет. И рванет знатно – собравшимся вокруг костра душманам мало уж точно не покажется. Пожалуй, некоторые сомнения по гуманности, возникали только насчёт старого Сафира – ему такой судьбы, несмотря на не самые приятные обстоятельства нашего знакомства, я не желал. Да, у него были в голове свои тараканы, которых я не понимал. Однако он меня не бросил, не добил. Наоборот, притащил в безопасное место, извлёк осколки... Выживал!

И все же я понятия не имел, кто он такой. Не думаю, что каждый встречный душман в дикой и пустынной местности обладает навыками хирурга... Что он, куском лезвия, прямо среди камней осколки из меня выковыривал? Сложно такое

представить, хотя чего только в полях у врачей не случается. Бывают такие чудеса, что и поверить сложно.

Когда проблема будет решена, нужно попробовать поговорить с ним ещё раз, только теперь с позиции мягкой, но настойчивой силы. Если, конечно, будет с кем разговаривать...

По моим подсчётам, мина должна была рвануть примерно минуты через две с половиной после того, как я ее опередил в «пункт назначения». Может, немного больше, а может, меньше. Тут не угадаешь. В любом случае, потребуется не так уж и много времени.

Очень быстро успокоившиеся душманы вернулись к костру и вновь заняли свои места, продолжив трапезу. Моей шустрой выходки не заметили ни душманы, ни сам Сафир, который точно так же отвлекся на шум. И это хорошо, поскольку я не знал, какой будет его реакция. Вдруг выбросит какую-то глупость?

В ожидании, я заглянул в сумку, прихваченную со стоянки. В ней оказался свёрток с патронами россыпью для автомата Калашникова образца сорок седьмого года – штук семьдесят или около того. Пустой магазин, одна граната РГД-5, кусок подсохшей лепёшки, шапка пуштунка, какая-то свёрнутая в рулон мятая тряпка. Пустой бурдюк, резиновый тапок, явно трофейный. И все, больше ничего интересного.

К сожалению, компактного оружия в ней не оказалось – душманы пистолетами практически не пользовались, поскольку в засадах или на расстояниях свыше пятидесяти мет-

ров от них не было никакого толку. Да и вообще, редко у кого из рядовых духов можно было встретить пистолет. Вот у полковых командиров или генералов – другое дело. Они любили пистолеты, особенно наградные, западного производства. Символ успеха и значимости.

Самое полезное среди найденного – пожалуй, это граната. Но её лучше сохранить для более подходящего, крайнего случая. Тапок я выбросил. Мне от одного пользы немного.

Побросав все обратно, я вновь выглянул из-за камней – ничего не изменилось. Они по-прежнему вели себя так, словно находятся не на войне, а просто вышли за город на пикник. Вероятно, знали, что советских патрулей здесь нет, вертолёт почти не летают. Вот и вели себя расслабленно, будто они тут хозяева. Ну-ну...

Я уже хотел спрятаться обратно, как вдруг старик Сафир подал голос – половину слов я не расслышал, но судя по всему, он просился отойти в сторону и справить нужду.

Нужно признать – очень вовремя.

Ему разрешили – душманы продолжали жрать мясо и смеяться, обсуждая что-то весёлое. Старик их не волновал, хотя отпустить его насовсем они явно не пожелали.

И вдруг оглушительно рвануло. Камень, за которым я сидел, ощутимо вздрогнул. Произошло это быстрее, чем я ожидал – примерно на двух минутах. Мощным взрывом горящие головешки, пепел и угли, обгрызенную тушу барана, душманов – все раскидало в стороны. Тут же поляну заволокло ды-

мом и пылью.

Я выбрался из своего укрытия, медленно и осторожно вышел на поляну. Рядом валялся автомат Калашникова, видимо, кого-то из душманов. Подхватил его, осмотрел – нормально, цел.

Тут и там валялись горящие головешки, света было немного, но чтобы хоть как-то осмотреться – хватало. Воняло жженым, пылью.

Справа слышались тихие, сдавленные возгласы, стоны. Заметил вялое шевеление. Само собой, часть духов выжила – всех не убило. Быть может, здесь вообще убитых нет – все раненые. Пока неясно. Я двинулся вперёд.

Через несколько шагов в пыли и дыму я различил пару лежащих на земле тел. Левее меня я заметил сидящего на земле душмана – тот стонал и держался руками за голову. Качался вправо-влево... Сейчас он ещё ничего не соображал, и вероятно, ничего не слышал, но пройдёт время и если раны моджахеда не смертельны, он вновь возьмётся за оружие. Таких, как он, в живых оставлять нельзя. Вскинув автомат, сняв с предохранителя, я прицелился и без раздумий выжал спусковой крючок.

Выстрел – готов! Я на войне, окажись на его месте кто-то из советских солдат, его ждала бы та же самая участь. Иначе не бывает. Жестоко? Вовсе нет, наоборот, гуманно – избавил его от мучений. Кто б его оперировал тут? Сафир?

Ещё трижды я добивал раненых. Остальным не повезло

или, наоборот, как раз таки повезло – не мучились и погибли сразу. Легкая смерть.

Ветром дым и пыль разнесло по всей поляне – видимость стала лучше. Я обошел большую ее часть – кажется все, дело сделано. Все восемь тел были здесь.

Вдруг справа послышался тихий треск, я тут же развернулся и вскинул автомат на звук. Но почти сразу же чуть опустил его вниз. Это был старик Сафир, который выглядел так, словно привидение увидел. Он торопливо выставил руки перед собой, вытаращился на меня испуганным и даже изумлённым взглядом.

– Нет, не стреляй! – воскликнул он.

Я опустил автомат стволом вниз, но продолжал смотреть на старика подозрительным взглядом – вдруг у него при себе оружие, и он рискнет им воспользоваться? Мало ли, вдруг его потряс тот факт, что пленный советский солдат, которому он спас жизнь, покروшив душманов, оказался настоящим зверем. Не лучше ли такого пристрелить, а то мало ли, на что он ещё способен? Но, кажется, ему было совсем не до этого и ни о чем подобном он и не думал.

– Проблема решена? – негромко поинтересовался я, кивнув на мертвые тела.

Старик ответил не сразу – он растерянно осмотрелся по сторонам, зацепился взглядом за добитого мной моджахеда. И только потом кивнул.

– Ты о них не беспокойся! – отозвался я, уловив его мыс-

ли по взгляду. – Лучше расскажи-ка мне, кто ты, чёрт возьми, такой и почему пытался меня спрятать? Чего этим духам здесь было нужно? Почему они тебя в чем-то подозревали и удерживали здесь? Как долго и каким образом ты тащил меня сюда? Откуда у тебя навыки хирурга?

Сафир молчал, словно взвешивал мои слова.

– Ты все понял или пояснить?

– Я тебя понял, шурави. Я попробую рассказать.

– Идём обратно в наш сарай, а то здесь как-то грязно! – произнес я, продолжая контролировать взглядом старика. Вдруг он решит подобрать оружие и ударить мне в спину? У афганцев это норма.

Он наверняка уже понял, что я твёрдо перехватил инициативу и теперь сам буду диктовать правила. Но уже свои. Захочу уйти – уйду, само собой, разрешение спрашивать не стану. Более того, теперь он даст мне всё необходимое. И что-то подсказывает мне, что у него есть много полезных вещей, которые помогут мне все сделать по уму. Правда, времени не так уж и много.

– Хорошо.

– И без глупостей, да?

Сафир снова кивнул.

Мы добрались до нашего сарая, где я жил последние дни. Сели. Я зажёл масляную лампу – внутри строения сразу стало светлее. Запахло жженым.

– Сафир, всё, что ты видел, это часть моей работы, часть

моего долга... Я не собирался никого убивать, но таковы реалии войны. Если бы эти духи меня увидели, совершенно точно расстреляли бы. Так что не удивляйся тому, что я с ними сделал. Кстати, откуда у тебя советские минометные мины?

– Мины? – удивился старик. Видно было, что он удивлён и не фальшивит. – Какие ещё мины?

– В том самом тайнике, где ты меня спрятал, были спрятаны две мины, предназначенные для советских 82-миллиметровых миномётов. Мины старые, лежали тут довольно давно. Зачем они тебе?

– Они не мои... – не сразу ответил он. – Это моего старшего сына.

– Ты ведь не афганец, так? – прищурился я. – И имя у тебя странное.

– Нет, я не отсюда. Я родом из Таджикской ССР, из небольшого городка на юге. Здесь живу с шестьдесят восьмого года. Ушел в горы с началом войны. В Союзе я, действительно, был хирургом, до войны работал врачом в одном из городов. У меня двое сыновей, младший перед самым началом войны уехал в Пакистан, а старшего убили уже советские солдаты во время засады на одну из ваших автомобильных колонн. Это его тайник. Раньше в нём было оружие, но я выбросил его, мне оно ни к чему. А о том, что там ещё и мины есть, я не знал.

– Соболезную! Но я чувствую, что ты слегка недоговари-

ваешь... Зачем сюда пришли духи? За оружием, да?

Глаза у Сафира подозрительно забежали. Явно он где-то приврал или, наоборот, не договаривал всей правды.

– Знаешь, мне почему-то кажется, что твой сын то ли воровал, то ли менял оружие у наших войск! – продолжил я.
– Чистил его, приводил в порядок, а затем продавал или передавал душманам, так? Уж не знаю как, но речь идёт точно не об одном или двух стволах... Твой сын служил в Советской армии, так? Отсюда и оружие... Списанное, но вполне боееспособное, так? Но зачем?

– Зачем, зачем... – нахмурился тот. – Младший сын должен был учиться на глазного врача. В Америке. Он из Пакистана попал в Индию, а оттуда полетел к американцам. А учёба там – это много денег... Хорошая учеба. Вот Халиф, прапорщик по званию, и решил оплатить ему учёбу таким образом, хотя я отговаривал его. Мы собирали оружие на местах засад, обменивали на блокпосту. Патроны покупали или обменивали. Продавали духам.

– Ясно... – вздохнул я. – Ну, продолжай!

– Халифа разоблачили свои же, наказали. Хотели отправить на гауптвахту, но он сбежал. При попытке скрыться его подстрелили. Ранение было серьезным, я не смог ему помочь.

– Прискорбно. Но зачем тебе я?

– Душманы приходили за оружием раз в месяц-два. В последний раз они приходили в июле, но у меня ничего для них

не было. Все закончилось. Сегодня они пришли сюда раньше, чем обычно, требовали, чтобы я показал им, где беру оружие... Или сами пристрелят, потому что я неместный. А я не знаю, Халиф сам все делал. Я подумал, что увидев тебя, они посчитают, что я работаю на вашу разведку. Меня бы точно убили.

Его рассказ, конечно, был очень сбивчивым, без деталей и разъяснений. Но в целом, он вроде бы не врал. Но там точно было что-то ещё, чего он мне ещё не сказал или намеренно не захотел рассказывать.

– Ясно... а где ты меня нашел?

– В шести километрах отсюда. На старой дороге. Притащил на волокуше, помощь оказал в пути, в своем доме. А потом сюда притащил. Я видел, как на вас напали, видел, как ты полз. Нашел тебя у воды. Не знаю почему, решил помочь... Ты похож на Халифа...

На бледно-голубых глазах старика выступили слёзы – вероятно, он говорил правду.

– Я хочу ещё раз поблагодарить тебя за оказанную помощь. Ты ведь не собирался делать меня рабом так?

– Да какой из врача рабовладелец? – тяжело вздохнул Сафир. – Отпустил бы. А говорить с тобой не хотел потому, что ты тоже русский.

Повисла напряжённая пауза, оба молчали.

– Вот что, ты сделал доброе дело. Без тебя я бы уже подход где-нибудь, без шанса на спасение. Меня просто нашли бы и

добили, я мог истечь кровью...

– Что ты намерен со мной сделать? – спросил тот.

– Ничего! – ответил я. – Поблагодарить. И даже знаю как.

– Мне ничего не нужно.

– Посмотрим! Как ты понимаешь, я не собираюсь здесь оставаться надолго. Мне нужно к своим... Ты знаешь, как выйти к советскому блокпосту?

– Нет... был один, где служил Халиф, но его давно бросили. А куда идти – не скажу. Могу только направление показать.

– Мне нужно три-четыре дня подготовиться. Я ещё слаб. В таком виде я идти не могу, да и надолго меня точно не хватит. Поможешь?

Сафир задумался – его что-то тревожило, но говорить он не стал. Просто кивнул несколько раз.

Следующие четыре дня пролетели незаметно – он трижды перевязывал и обрабатывал мне раны, принес новую одежду и даже поношенные ботинки с высоким берцем. Ещё рюкзак, компас и старую карту.

По моим представлениям, ближайшая точка, где были наши войска, располагалась километрах в тридцати. За прошедшие дни, в прямой видимости, хоть на большом удалении, трижды пролетала большая смешанная группа вертолётов Ми-8 и Ми-24. Это означало, что запреты на полёты, скорее всего, уже сняли. Это хороший знак...

Тела мертвых духов старик куда-то стащил и закопал. Я

не стал к нему докапываться – захотел, его дело. Никто ведь не заставлял. Все было как раньше, за исключением того, что теперь я никому не подчинялся – старик понял, что я не тот, кого можно сломать. Просто понял на каком-то духовном уровне. Оспаривать не стал, и даже не в оружии дело.

Наконец, я был готов. Более-менее.

Попрощавшись и поблагодарив старика за воду, еду, одежду и помощь, я выдвинулся в путь. Шел медленно, с постоянными остановками. Уже к вечеру того же дня я прошел всего лишь около четырех километров и с трудом добрался до края горной гряды, за которой находились холмы, а ещё дальше равнина. Где-то там располагался советский блокпост, возможно, тот самый, где меня ранее держали взаперти...

Когда стемнело, я вынужденно остановился на ночлег, подыскав что-то вроде пещеры. В самой ее глубине развел крохотный костерок – сил не было, устал как собака. Перекусил вяленным мясом, запил водой. Все тело болело, хотелось спать.

Однако не стоило забывать, что вокруг враг – а ну, сколько тут таких групп может бродить, вроде той, что я подорвал миной в костре?! Издалека, на расстоянии я видел духов, которые шли по своим делам. Здесь далеко не безопасно, но в Афгане нет безопасных мест – это знает каждый, кто был там.

Я старался спать урывками, но потом всё-таки не выдер-

жал и, погасив костерок, забился в самую глубь пещеры. Автомат и гранату держал при себе – мало ли кто в гости пожалует?

Но рано утром, едва рассвело, я проснулся от оглушительного грохота.

Схватив автомат и выскочив наружу, я быстро осмотрелся. В небе, далеко справа я увидел дымный след – падал горящий вертолёт. Видимо, экипаж пытался посадить подбитую машину, но получалось плохо... Скоро вертушка то ли села, то ли упала за скалами. Ее непременно будут искать, будут эвакуировать экипаж. Нужно успеть, чтобы и меня подхватили... Расстояние примерно километра три с половиной, может, больше – в горах расстояние воспринимается иначе...

Подхватив свои вещи, я заковылял прямо туда! Но успею ли?

Глава 6. Марш-бросок

Уже три недели майора держали в пустом и грязном зиндане.

Одного. Не считая парочки наглых крыс. После той дерзкой выходки чекиста с захватом радиостанции, больше никаких поблажек со стороны душманов и представителей ЦРУ не было, и быть не могло. Хорошо, что вообще не пристрелили – ведь об этом просто никто бы никогда и не узнал. Был такой офицер КГБ СССР майор Кикоть, летел на самолете на новое место службы и неожиданно пропал без вести.

Такие мысли способны обескуражить кого угодно. И неважно, обычный ты человек или опытный сотрудник Комитета государственной безопасности, с двадцатилетним стажем... Можно быть стойким, крепким, уверенным. Однако всему есть предел! А учитывая, сколько всего выпало на долю майора, им можно восхищаться...

Само собой, в лагере никто с русским офицером толком и не разговаривал, ему ничего не объяснялось. Отношение дерьмовое, а все общение происходило только в виде допросов в самой грубой форме. Таковы реалии военного времени. И без разницы, что вроде как СССР с Америкой открытых боевых действий не вел... Это не мешало им проводить подобные допросы. Ничего удивительного – с чекистом просто не знали, что делать. Они не знали, кто он такой на самом

деле. Вскройся подобный факт, его сразу увезли бы в неизвестном направлении...

Прием пищи для пленного был определен всего один раз в день, да и то, еда была дрянная и в весьма небольшом количестве. Воды тоже давали мало, с расчетом лишь на то, чтобы шурави не помер от жажды. Спать приходилось на голой земле, среди камней. Из одежды – только рваные обноски. Даже обувь забрали. Неудивительно, что Виктор подхватил пневмонию.

Майор все чаще пребывал в состоянии полудремы, но не потому, что устал, а по причине того, что сильно ослабел. Много чего на это повлияло. Мыслей о побеге больше не было, они выветрились из головы уже в конце первой недели пребывания в чертовой вонючей яме.

Сами американцы ничего не делали, только давали команды. И наблюдали. Душманы постоянно били чекиста, пытались, стремились выведать, с кем он выходил на связь, что именно успел передать. Опасались, что он слил координаты лагеря, но связист, присутствующий на месте во время радиопередачи, отрицал этот момент. Также они рассчитывали узнать, чего именно ранее от него хотел получить Джон Вильямс. Для чего тот взял его в засекреченный лагерь? Но Виктор Викторович упорно молчал, терпел и ничего не говорил... Его стойкости и упорству можно поражаться! Но к чему это приведет в конечном итоге?

Кикоть прекрасно понимал, что его жизнь висит чуть ли

не на волоске и как только он все расскажет врагу, от него попросту избавятся. Пуля в голову, и все. А после духи варварски сбросят с обрыва тело и никто его никогда не найдет. На допросе всегда присутствовал один и тот же американец, который неплохо знал русский язык. Это именно он застал его в помещении радиосвязи. Он же и нанес удар прикладом в голову.

Майор недоумевал, куда пропал Джон Вильямс, с которым он разговаривал перед его убытием из лагеря? Тот был важной шишкой, а теперь получалась какая-то ерунда. Для него это было странно. Было же очевидно, что у агента к нему было какое-то важное дело относительно Максима Громова. Казалось, Кикоть только-только нащупал ту самую соломинку, которая позволила бы окончательно разобраться, имеет ли Громов какое-то отношение к иностранной разведке или нет. И вот, снова все рухнуло. Причем таким вот спонтанным образом, по стечению обстоятельств. Конечно же, о том, что именно Громов умудрился задержать Джона, Кикоть знать не мог. Как будто сама судьба помогала молодому разведчику Максиму оставаться не при делах... Впрочем, на фоне всего, что произошло за год с лишним, Виктор уже не считал его тайным агентом... Почти. Слишком многое говорило против этого, несмотря на все же существующие нюансы... Громов был хорошо подготовлен, выдержан, хладнокровен и умен. Странно для его возраста. Но он не враг. Ни в каком смысле.

А тот сеанс связи, который торопливо и в опасной обстановке инициировал Кикоть, завершился ничем. Молодой и неопытный связист, на беду майора дежуривший в тот день и принявший странный сигнал, не стал ни с кем связываться, а просто проигнорировал сам факт произошедшего. То ли побоялся, то ли просто отнесся к этому, как к глупой шутке. Пожалуй, это можно было бы списать сугубо на человеческий фактор, если бы не один момент – в КГБ случайных людей нет, там у каждого большая ответственность. А тут получилась полная халатность. По всему выходило, что Кикоть рисковал зря. Не было никакого смысла в героических действиях майора, а все по причине того, что на нужном месте оказался не тот человек, да еще и не в то время...

За прошедшее время Виктор Викторович, действительно, сильно ослабел, исхудал. Его постоянно терзал голод, жара и жажда. Боль стала постоянным спутником. А тут ещё и внезапная пневмония, которая ещё больше ухудшала положение чекиста... Несложно догадаться, что никому из командования теперь уже не было никакого дела до сбитого месяц назад где-то в горах центральной части республики самолёта АН-26 и группы летевших на нем пассажиров. Получалось, что сначала в штабе не успели толком отреагировать и зафиксировать сам факт потери самолета, а потом коррективы внес действующий запрет на полёты, чем и связал руки окончательно. Всех просто посчитали погибшими. Условно, без разбирательств.

А уже затем последовавшие дальше масштабные изменения и новые вводные по всему Афганистану отбросили на задний фон все, над чем работали раньше. Все силы были задействованы на разведку, координацию и интенсивные атаки на позиции душманов. Авиация Союза точечными и массированными ударами один за другим, каждый день уничтожала склады с оружием, полевые лагеря, караваны... Скопления бандформирований.

Да, про майора случайно забыли. Забыли, что он летел на новое место службы, а с ним больше десятка человек экипажа. Такое, черт возьми, тоже случается...

На стороне противника так же творилась неразбериха – многократно участвовавшие атаки сил СССР сбили с толку не только оппозицию, но и всех их союзников. Многие задавались вопросами – как и почему? Да захват Хадида был понятен, но генерал обладал ограниченными сведениями... Афганские командиры теряли людей, оружие, вынуждены были сами бежать. Подобного не ожидал никто. Действующая в Афгане ячейка ЦРУ тоже пребывала в ступоре. И лагерь, где держали майора – совсем не исключение.

О нем никто не знал и потому тянули достаточно долго.

Неудивительно, что спустя некоторое время после описанных событий, американцам в лагере всё-таки поступил приказ от вышестоящего командования – срочно эвакуироваться и бросить лагерь. В спешном порядке, с большей частью военного имущества... Что и было принято к исполне-

нию. Пока ослабевший КГБ-шник валялся в зиндане, американцы объявили сбор с последующим отходом на территорию Пакистана... В лагере была объявлена тревога, творилась неразбериха. Инструкций на такой ход развития событий просто не существовало.

Более того, некоторые сотрудники поверить не могли, что все происходило на самом деле. Ведь на Западе уже считалось, что Советский Союз настолько увяз в многолетней войне и утратил инициативу, что недалек был тот период, когда он примет решение вывести свои войска... И вот, как гром с ясного неба!

Никто толком не понимал, что происходит. В отдельном помещении штаба, рядом с переговорной шёл напряженный разговор между двумя американскими офицерами.

– Джош, я не понимаю, что вообще происходит?! Что нас ждёт?

– Не знаю, Рон. Русские активизировались чуть ли не по всей республике, моджахеды проигрывают по всем фронтам. СССР и силы действующего правительства задействовали много авиации, очень много. Мой коллега из отдела аналитики считает, что все идёт к тому, что Советский Союз может победить. И произойдет это скоро. Понимаешь, что это значит?

– Дерьмо какое-то... а тогда... какого черта мы торчали тут почти месяц? И Вильямса нет уже три недели, связи с ним никакой нет! Он погиб?

– Я дважды докладывал Амундсену. Он никаких инструкций по этому поводу не давал! Сказал, не паниковать и ждать распоряжений! Мы и ждали...

– Угу, дождались... Ладно бы Вильямс погиб, а если он попал в плен к русским?

Повисла напряжённая пауза. Пожалуй, это был наихудший сценарий из возможных. Удивительно, но они почему-то не связывали факт пропажи Джона с тем, что происходило на тактической карте Афганистана.

– Ну... – вдруг фыркнул Рон. – Он тоже молодец, его статус советника обязывает сидеть здесь и никуда не лезть, а он что? Когда-то был агентом, но потом его повесили... а он по старой памяти... Везде разъезжает, даже не понимая, чем это может закончиться. Охраны всегда минимум, зато самомнение выше крыши! Вот и добегался... тьфу, долетался! Зачем вообще нужно было лететь на вертолете, да еще и над территориями, подконтрольными СССР? Ясно же, что их ограничение на полёты не продлится вечно! Как думаешь, что там такого важного произошло? Это же крайне опрометчиво и неразумно с его стороны! Мне кажется, он знал что-то такое, чего не знал никто из нас!

– Угу... Ну а нам-то теперь какое дело? – сдержанно возразил Джош. – Он опытный офицер, двадцать лет стажа. Да он служит больше, чем мы с тобой вместе взятые. А у нас теперь простой приказ – эвакуироваться.

– Так... а что делать с русским? – нахмурился Рон. – Он

же по-прежнему в яме сидит.

Второй американец задумался – повисла напряжённая пауза.

– Э-э... Да к черту, не тащить же его с собой в Пакистан? Никто вообще не знает, что он у нас есть! Духам все равно!

– Вот и я думаю. Он тут как балласт.

– Джош, а ты вообще думал о том, чтобы докладывать о нем? – напрягся Рональд.

– Нет, его же Вильямс сюда притащил. Ничего не объяснял. Да ещё и строго велел мне никому о нем не сообщать. Сказал, что самостоятельно решит проблему, когда вернётся... Типа, сам займётся этим русским офицером, чтоб никто не влезал!

– А, ну ясно... тогда к черту его!

– Предлагаешь, бросить здесь? А может лучше пристрелить?

– Не хочу. Ты его состояние видел? Сам вот-вот сдохнет. К тому же можно моджахедам приказать, они его с радостью на куски порежут.

Джош задумался.

– Нет, не стоит. И так крови достаточно пролито. Оставим здесь.

– Добрый ты, гуманист! – фыркнул второй американец. – Ладно, как скажешь. Всё-таки после Вильямса ты тут старший. Тебе и решать.

Эвакуация лагеря шла полным ходом: духи грузили ору-

жие, боеприпасы, технику связи, карты, секретную документацию, шифровальную аппаратуру, личный состав. Рабочей силы было много. И хотя самих американцев здесь было всего пятеро, дело шло очень медленно. Видно было, что подобное у них вообще не отработано. Ещё бы, кто ж знал, что все с ног на голову перевернется?

Лишь через три часа после получения команды, американцы погрузились на два пикапа и рванули в сторону границы с Пакистаном. А после себя оставили заминированные комнаты, авось кому не повезет!

Один из пикапов при выезде из лагеря случайно зацепил колесом решетку, что закрывала зиндан, в котором сидел русский офицер. Она с треском сломалась, но до этого никому не было дела. Они торопились поскорее сбежать, а остальное уже не так уж и важно.

Душманы, что так же находились в этом лагере, по приказу кого-то из их генералов отправились вслед за ними, но на отдельных грузовиках. Естественно, американцам до них тоже не было никакого дела, моджахеды были нужны лишь для того, чтобы отвлечь на себя внимание, когда придет время.

А чекиста бросили в запертой яме...

Три с лишним километра – это не так уж и много. Даже если учесть, что местность сложная, если плохие погодные условия, нет точной карты и компаса – для подготовленного и опытного разведчика это нормально. Направление извест-

но, особых препятствий вроде бы нет. Вопрос марш-броска одного часа, в самом худшем случае.

Однако в моем нынешнем состоянии бегать марафоны по пересечённой местности было очень проблематично. Но цель, как ни крути, все же оправдывала средства...

Почему вертолёт падал – было загадкой. Техническая неисправность, какие-то проблемы у экипажа, возможно, его атаквали из ПЗРК... В любом случае, дымный след, оставляемый за машиной, говорил о том, что птичка то ли аварийно шла на посадку, то ли просто падала. Скорее всего, экипаж успел доложить о том, что у них серьёзные проблемы и они вынуждены приземлиться, а значит, с авиабазы Мазари-Шариф должны были отправить необходимую помощь... Учитывая сравнительно небольшое расстояние, составляющее примерно километров сорок или пятьдесят, вертушки должны были прибыть на место минут за сорок. И то, это если они торопиться не будут. Именно поэтому мне нужно было успеть к месту посадки, иначе бродить тут я буду долго, а вероятность наткнуться на душманов очень высока.

А один я стрелковый бой против группы духов точно не вывезу, я же не терминатор. Может, будь на моём месте Шварценеггер, тот бы смог. Тварь инопланетную завалил же...

Пришлось торопиться. Чтобы ускориться и не скрипеть зубами от боли, я использовал тубик промедола, который мне достался от старика Сафира. Нужно признать, весьма

кстати. Пусть его и ограниченно...

Жаль только, что нормальной обуви у старика не нашлось, ну да ладно.

Скорее всего, душманы, обитающие в этом квадрате, тоже видели падающую вертушку, а значит, тоже могли отправиться на место падения – как ни крути, а это лёгкая цель. И желанная. Экипаж из трёх человек, да несколько пассажиров вряд ли сумеют организованно отбиться от жестоких, полудиких духов. Проанализировать обстановку было совсем несложно – я давно уже приучил себя пользоваться моментом и прогонять в голове все возможные сценарии. Это весьма полезный навык, позволяет сосредоточиться, сэкономить время и хотя бы частично подготовиться к возможному исходу событий. Предпринять ответные меры, просчитать альтернативные варианты.

Я торопился, как мог – обходил самые неудобные места, спускался в ложбины, шел тропами, но всё-таки был вынужден остановиться, поскольку неожиданно заметил угрозу. Параллельно мне, только чуть другим маршрутом, двигалась группа вооруженных моджахедов – судя по всему, направлялись они туда же, куда и я. Их было человек двенадцать, шли беспорядочно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.